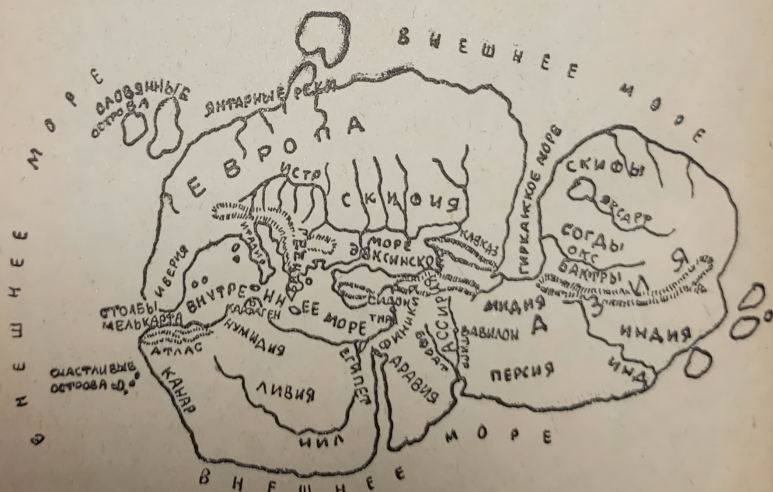

Заштрихована часть земного шара, известная в описываемое в повести время.

Земля, как ее изображали в древности: плоская и круглая как блюдо, окруженная беспредельным «Внешним» морем.

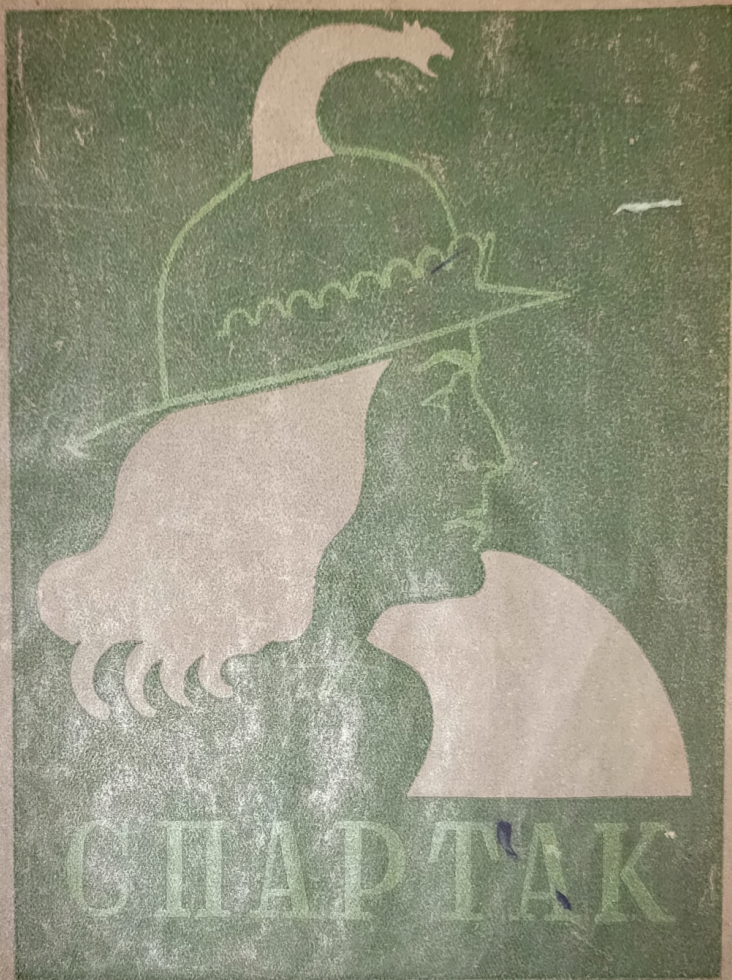
Дата	Кому выдано	Куда
10/11	95209 1258	3079809
4/12	54674(7552) 1965	
12/3	25005 1903	260160
4/11	X288 89	2801803
5/11	Семенов	42/36)
10/6	7.1048 08	4116
18/7	3-114707	464

Тип. Могиза, зак. 1383

НЕ КОПИРОВАТЬ

М 180
1

В.ЯН

СПАРТАК

ОГИЗ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1933

Спартак, фракийский гладиатор.

M 180
1

Василий Ян

СПАРТАК

Книга имеет:

Печатных листов	Выпуск	В переплети. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служеб. №	Наклад в исписки
6							378

ая повесть
лякринского

дая гвардия

9-61

M 120
1

Василий Ян

СПАРТАК

9-60

Историческая повесть
Рисунки П. Алякриного

Огиз • Молодая гвардия
1933

Для детей младшего
и среднего возраста

Редактор М. Гершензон. Техред Л. Юркович. Слово
в производство 22/IV—33 г. Подписано в печать 3/VII—33 г.
М. Г.—3631. Инд. Д—6, формат 72×105¹/₄, 5¹/₄ печ. л. уполном.
Главлита Б—30056. Тираж 25 000. Зак. 6720. Фабрика книги
«Красный пролетарий» издательства ЦК ВКП(б) Партиздата.
Москва, Краснопрудская, 16.

2024340542

Часть первая

1. Буря в Средиземном море

Три дня свирепствовала буря. На море вздувались и неслись одна за другой горы зеленоватой воды; их вершины курчавились белой пеной и обрушивались со страшным грохотом. Казалось, ничто не могло устоять против ярости бушующего ветра. Корабли, успевшие заблаговременно укрыться в гаванях,

были вытащены на берег или привязаны двойными канатами к причалам. Но и сюда докатывались рассерженные волны, и тогда широко раскачивались и плясали стройные мачты, а доски кораблей скрипели и трещали, точно готовые развалиться.

На усыпанном галькой берегу и на краю каменного мола, не замечая хлеставшего дождя, растерянно перебежали женщины. С воплями поднимали они руки к небу, проклиная богов, пославших на них это бедствие, разметавшее лодки, на которых выехали на рыбную ловлю их мужья и отцы. Они всматривались в туманный горизонт, тщетно стараясь разглядеть среди темных валов знакомые заплатанные паруса.

Под вечер багровый луч пробился сквозь гряды облаков и осветил одинокий красный парус. Небольшое крутобкое судно то взлетало над водой, то, клюнув носом, погружалось в кипящую бездну. Но через несколько мгновений опять подброшенное кверху судно несло вперед, накренив мачту с косым парусом. Только очень опытные и смелые моряки могли править кораблем в такую бурю, когда палуба проваливалась под ногами и вокруг пенились и бушевали волны, высокие, как стены.

Наконец судно, обогнув каменный мол, проскользнуло в тихую гавань. Спустив парус, упираясь в волны одиннадцатью парами длинных весел, осторожно пробралось судно мимо вереницы торговых кораблей. Сзади, на корме, расставив короткие ноги в пестрых восточных шароварах, стоял владелец судна, широкоплечий и коренастый, с намокшей бородой, прилипшей к богатырской голой груди. Он хрипло кричал, обращаясь то к двум великанам-неграм, налегавшим всем телом на рулевые весла, то к двадцати двум гребцам, прикованным цепями к скамьям. Судно сделало ловкий поворот и, бросив два бронзовых якоря, остановилось посреди гавани.

Толпа на моле ожидала, что хозяин корабля сойдет на берег и расскажет, какие он встретил на пути торговые суда. Раздались возгласы и крики, но бородатый моряк, не отвечая, только сделал решительный жест рукою сверху вниз, по кото-

рому можно было понять, что все встречные суда пошли ко дну. Моряк спустился в трюм, а в окошечке на корме засветился огонек.

Ночью буря продолжалась. Портовые сторожа попрятались—какой корабль прибудет среди темноты в гавань!

Однако несколько лодок пробиралось к странному кораблю, стоявшему на двух якорях посредине гавани. Какие-то тени подымались на палубу. Оттуда в лодки спускали людей и груз, слышались отрывистые приказания, выкрики, ругань и заглушенные стоны.

К утру буря совершенно затихла. Море, гладкое, поблескивало серебристой рябью. Его темная поверхность то приподнималась, то опускалась, как будто дышала исполинская грудь, уставшая после яростной борьбы.

На берегу легкие всплески набегавших волн перекатывались через обломки корабельных ребер, развалившиеся ящики, обрывки рыболовных сетей и оранжевые корки гранатов.

А солнце, хитро прищурившись, выглядывало сквозь длинную щель между грядями облаков, медленно уплывавших на восток вслед за умчавшейся бурей.

Начальник Турийского порта рано утром послал таможенных досмотрщиков тщательно обыскать корабль, казавшийся ему подозрительным, — «очень уж пиратская рожа у хозяина!» — а сам поднялся на плоскую крышу дома. Но корабля в гавани он не увидел. Ему сообщили, что корабль с красным парусом, носивший название «Сын бури», ушел в темноте на веслах в открытое море и скрылся в тумане.

2. Скупщик рабов

В этот же день на главной площади города Турии собралась большая толпа любопытных. На деревянных подмостках было выставлено для продажи несколько десятков рабов.

Стройные сильные фракийцы, бледные сирийцы с пышными вьющимися волосами, тонкие бронзовые египтяне с поднятыми прямыми плечами и рабы других неведомых национальностей стояли рядами, скрестив руки на груди. Они были почти нагие, разукрашены венками цветов; на бедрах были красные повязки, ноги выбелены мелом. У каждого на шее висела маленькая дощечка с надписью, где стояли имя и возраст раба.

Турийские купцы, приехавшие на базар окрестные виноделы и садоводы приценились к рабам, расспрашивали, какие они знают ремесла. Все желали купить подешевле опытных мастеров: ведь трудом двух-трех хороших рабов-ремесленников — сапожников, бондарей, медников или гончаров — может спокойно жить и кормиться их владелец со всей семьей. Поэтому у каждого раба ощупывались и ребра, и плечи, и ноги, их вставляли сгибать и разгибать руки; они равнодушно и покорно открывали рот и высовывали язык, пересохший от жажды.

— Купить плохого раба — все равно, что хромую лошадь, прибыли от него будет немного, — говорили озабоченные покупатели.

Среди рабов выделялись трое сидевших отдельно на потертом обрывке ковра — мужчина, девушка и мальчик.

Один был худощавый грек с длинными волосами и полуседой бородой. Он закинул через плечо потертый лиловый плащ и в руке держал несколько исписанных папирусовых свитков. Он не выказывал угрюмости и уныния, которыми обычно охвачены рабы, горюющие об утерянной свободе и ожидающие с тревогой нового господина. Насборот, лицо грека сохраняло и гордость независимого гражданина и приветливую жизнерадостность. Он охотно, с улыбкой отвечал на вопросы, и перед ним собралось много любопытных, удивленных его своеобразными ответами на латинском и греческом языках.

Хозяин трех рабов, видимо чужеземец из Малой Азии, с квадратной глянцевитой бородой, в длинной красной одежде, обшитой лентами, выкрикивал нараспев:

— Покупайте изумительных рабов! Дешево! Не упускайте исключительного случая!

— Что ты умеешь делать? — спросил надменный толстяк, завернутый в пурпуровый плащ.

— Я могу из бревна сделать Аполлона, — ответил грек.

— Значит ты чародей? Или хвастливый безумец? Разве можно сделать всемогущего и прекрасного бога из бревна?

— Купи меня, и я тебе покажу, как я это делаю.

— Вероятно, ты ваятель и высекаешь из дерева изображение бога Аполлона?

Рабовладелец вмешался и стал расхваливать свой товар:

— Это продается мудрейший грамматик (учитель), философ со сладостной речью. Он с необычайным искусством умеет вкладывать в невинные детские умы добрые нравы и священные знания. Все преподавание он будет вести на божественном греческом языке... Торопитесь купить редкого грамматика, почтенные граждане! Торопитесь!

Некоторые обращались к «мудрейшему грамматiku» с вопросами, что и как он может преподавать, и тот отвечал плавною речью поэтов:

— Все мы рождаемся голыми — раб или знатный властитель. Ценности нам не дает ни богатство, ни знатность рождения; Только наука одна развивает и тело и душу. Сделают меня из олуха равного Марсу героя.

— Каким же наукам ты учишь? — спросили в толпе.

— Школу начну я с грамматики, строгой науки и точной.

Также гимнастикой тело ребенка развить постараюсь.

Старших учу математике и философии мудрой.

С гордостью мой ученик будет имя носить человека.

Слушавшие переглянулись и спросили, сколько стоит такой ученый раб.

— Две тысячи сестерций¹. Прямо за бесценник продаю

¹ Сестерция стоила на наши деньги около шести копеек.

философа, мудростью достойного Сократа, а знаниями — Аристотеля. А вот еще продается необыкновенная фракийская танцовщица Амика¹. Она исполняет пляски разных народов, порхает легче нимфы, играет сразу на двух флейтах, поет и рассказывает страшные сказки. Кроме того она умеет ткать, шить платья и печь сладкие пирожки. Цена всего три тысячи сестерций. Кто будет показывать ее пляски на площадях городов, тот в один год заработает в десять раз больше этой цены.

Танцовщица — «более легкая, чем нимфа» — смуглая и обожженная солнцем, с серебряной сергой в носу, в оборванной тунике, сидела, поджав под себя ноги, и бросала на хозяина и на толпу взгляды, полные ненависти и страха.

— Посмотрите также на этого фракийского мальчика, — продолжал убеждать хозяин. — Разве вы встречали когда-либо подобного? По силе и смелости он будет равен знаменитому гладиатору Спартаку.

Толстяк в лиловой тоге² захотел осмотреть мальчика. Как дикий звереныш, сидел бронзовый мальчик, встряхивая длинными кудрями, косясь на подходившего к нему покупателя. Когда толстяк, схватив его за уши, попытался заглянуть ему в рот, мальчик отскочил, а покупатель, тряся рукой, закричал во все горло:

— Собака! Змееныш! Он укусил меня за палец!

— Бешеный мальчишка! — смеялись обступившие зрители. — Кто же купит такого звереныша?

— Вот именно купят, — возражал рабовладелец. — Разве вы не покупаете злобного щенка, чтобы он охранял дом? Также из этого фракийского мальчишки из племени гетов выйдет отличный сторож. А упрямого раба вполне умирят ремни.

¹ Амика — старинное фракийское имя. Но кроме того это слово имеется и в латинском языке, на котором означает «подруга».

² Тога — широкая полоса материи, в которую завертывались как в плащ.

Римская монета.

ная плеть с тремя хвостами. Когда же он подрастет, его можно будет показывать в цирке как самого злобного гладиатора.

— Сколько же стоит мальчик?

— Тысячу сестерций и ременная плеть в придачу.

— Ха-ха! — засмеялись в толпе. — Такие деньги может заплатить какой-нибудь богач Красс!

— Красс? Кто упоминает высокое имя достопочтенного Марка Лициния Красса? — пропищал тонкий женский голос.

Все оглянулись, но ни одной женщины поблизости не было, а перед рабами появился странный человек. У него было лицо старой женщины, желто-лимонного цвета, с отвислыми сморщенными щеками. На руках блестели драгоценные золотые браслеты. Одет он был в персидскую шафранную одежду, затканную зелеными и малиновыми цветами. Перед ним шел, раздвигая копьем толпу, рослый воин. Сзади следовал полуголый раб-негр; этот негр в одной руке держал белую шерстяную тогу, в другой — окованную железными скобами деревянную шкатулку.

— Разве никто не сказал про Красса? — продолжал незнакомец. — Конечно всемогущий богач Красс купил бы хороших, работающих рабов, не задумываясь над тем, сколько они стоят. Итак, я покупаю и этих трех рабов и еще сотню-другую годных для работы на полях, очень крепких, самого первого сорта, которые могли бы заменить лошадей, но конечно не за такую нахальную цену. Ведь теперь наши непобедимые полководцы постоянно приводят с войны целые толпы пленных, которых можно покупать на рынке дешевле, чем свиней или баранов.

Продавец подбежал и, заглядывая в глаза богатому поку-

пателю и с клятвами прижимая руки к груди, стал назначать цену, постепенно ее снижая. Торг продолжался долго. Наконец оба договорились. Негр отсчитал из шкатулки две горсти золотых и серебряных монет и бросил их на разостланный на подмостках плащ. Покупатель взял в руку конец камышевой веревки, на которой в числе других рабов были привязаны за шею греческий философ-грамматик, танцовщица и кусающийся мальчик.

Затем всех купленных рабов отвели за город, на дорогу, вдоль которой стояли закоптелые кузницы. Здесь рабы были скованы цепями группами по несколько человек. Окруженные стражниками и погонщиками, рабы с протяжной песней направлялись на север. Им предстояла далекая дорога в столицу Италии — Рим.

Четверо рабов несли на носилках человека с женским лицом и тонким голосом. Это был доверенный казначей богатейшего в Риме патриция¹ и землевладельца Красса.

Дорога скоро углубилась в горы, и в скалах гулко отдавалась старинная песня рабов-гребцов на галерах:

Не ждите нас, отец и мать,

Вам сына больше не видать.

Ударь веслом, ударь еще,

Сильней назад откинь плечо!..

Бежит зеленая волна,

Все дальше наша сторона...

Ударь веслом, ударь еще,

Сильней назад откинь плечо!..

3. На большой дороге

Караван рабов двигался медленно, несмотря на понуканья погонщиков. Рабы, больные или с плохо зажившими ранами, не могли идти быстро и задерживали остальных. Они уже не

¹ Патриций — аристократ.

были голыми, как на рынке в день продажи. Одни надели свои прежние одежды, которые были на них, когда их захватили в плен, другие завернулись в разное тряпье, поэтому толпа образовалась самая пестрая. Здесь были представители разных племен, но у всех был один признак — цепи и выбритая половина головы.

Особенное внимание встречающих привлекала большая группа странно одетых рабов: длинные, до пят, штаны из лошадиной кожи, короткие рубашки из грубой льняной ткани, доходившие до пояса, на головах шапки из лисьего меха с висевшими сзади пушистыми хвостами.

— Глядите, вот они, фракийцы! — кричали, указывая на этих рабов, жители встречающих селений. — С этими фракийцами наши войска уже сколько лет ведут войну! Фракийцы живут в горах, не хотят никому покориться, больше всего на свете любят свободу и в бою никогда не отступают...

И все посматривали со страхом и любопытством на плечистых фракийцев, мерно шагавших под заунывную песню и звон цепей на их ногах.

Мальчик Гета затерялся в этой толпе рабов, в которой к концу дня все становились одинаково серыми от пыли. Гета шагал, держась за платье фракиянки Амики. Она его защищала от насмешек, так как мальчик, когда его дразнили, легко приходил в ярость.

По вечерам караван останавливался на площади встречного города или за оградой селения. Всех рабов сгоняли возможно ближе друг к другу, а вокруг зажигали костры; всю ночь часовые сторожили, чтобы никто из рабов не убежал. На полпути караван сделал остановку в одном поместье, принадлежавшем владельцу рабов, богачу Крассу.

Там на холме раскинулась роскошная мраморная вилла, украшенная красивыми статуями и окруженная редкостными фруктовыми деревьями.

Надсмотрщики разбили на группы большую часть рабов и каждой объявили:

— Вы будете Лопатами, вы — Мотыгами, ты — Сохой, ты — Воротом у колодца, ты — Бороной, ты — Тачкой...

Фракийцы как самые сильные были объявлены Мельничными жерновами и Кирками, ломающими камни¹, и им предстояло пойти в разные стороны: одним на мельницы вертеть жернова, другим — в каменоломни вырубать глыбы мрамора, из которого потом строились для богачей прекрасные виллы² и высекались художественные статуи.

Грустно расставались фракийцы друг с другом, в знак прощанья протягивая руки ладонями кверху. Они не почувствовали, что скоро им придется снова встретиться.

4. Смертники

Остальная часть рабов двинулась дальше на север и через несколько дней пути ранним утром подошла к воротам большого и богатого города Капуи. Гета, Амика и греческий философ были в этой группе рабов. Так как караван всю ночь гнали без отдыха и без еды, то все, дойдя до стен города, без сил лопадали на землю. Ворота были еще закрыты, и перед ними собирались крестьяне, которые на ослах и мулах привезли для продажи овощи, кур, овечий сыр и другие продукты.

— Скоро ли откроются ворота? Долго ли будет сторож спать? — кричали крестьяне и стучали посохами по тяжелым, окованным железом воротам.

Рядом в стене была темная вонючая дыра. В ней в течение многих лет жил сторож-раб, прикованный цепью.

— Кто там стучит в ворота? — кричал сторож. — Еще жрецы бога Аполлона ждут, не прозвенели еще бронзовые щиты, возвещающая восход солнца. Перестаньте стучать, не мешайте мне спать! Единственная моя радость — сон, и его у меня отнимают!

¹ В те времена рабов часто называли не по имени, а по тому орудью, которым каждый работал: Лопата, Соха и т. д. О них говорили: «Раб — это говорящее орудие».

² Вилла — загородный дом, дача.

Так как недовольные крестьяне продолжали стучать в ворота, то ворчанье сторожа усилилось, и из дыры вылезло на четвереньках чудовище. Длинные спутанные волосы свешивались до земли, закрывая лицо. На теле клочьями висели обрывки звериных шкур. Широкое железное кольцо, как пояс, охватывало его поясицу, и от него тянулась крепкая цепь к кольцу в стене. Прыгая, как зверь, на четвереньках, раб бросился к стучавшему в ворота крестьянину. Тот отбежал, а сторож пустил в него камнем и продолжал браниться, вставляя слова на непонятном языке. Остальные крестьяне загоготали:

— Догони его, Цербер¹, накажи его!

— Не могу, цепь не пускает, — ответил сторож, оставаясь на четвереньках, — а то бы я поймал бездельника, хоть ноги мои и перебиты.

— А за что тебе перебили ноги?

— За что? — Сторож злобно затряс своей львиной гривой. — За то, что я хотел убежать к себе на родину.

— А давно ты здесь сторожишь?

— Лет тридцать или побольше. Я молодой был, усы едва только показались, а теперь я совсем побелел. Но я все-таки убегу в родную деревню, на руках уползу, а не останусь здесь с этими тиранами, — и старик погрозил костлявым кулаком в сторону города.

Внезапно среди крестьян произошла суматоха, нагруженные ослы шарахнулись, куры закудаhtали, все с криками бросилось в сторону.

— Смертники! Берегитесь, смертники идут!

По дороге в облаке пыли приближалась толпа. Позвякивало оружие, вспыхивали отточенные острия копий и начищенные бляхи панцирей. Окруженные воинами шли по четыре в ряд стройные сильные люди. Они были в коротких цветных туниках, красных или шафранных. Закованные в цепи, они все

¹ Цербер — страшная трехголовая собака, сторожившая, по верованиям римлян, вход в ад, местопребывание мертвых.

же шли бодро, смело смотря на встречных, которые сторонились при их приближении.

— Кто это такие?

— Осужденные на смерть, гладиаторы. Их всех покажут зрителям в цирке; там они будут драться с дикими зверями: львами, медведями и бешеными быками. Или же они будут драться друг с другом отточенными мечами, пока один из бойцов не убьет другого.

Амика, увидав гладиаторов, вскочила, всматриваясь в их лица.

— Смотри, Гета, я узнаю среди них наших фракийцев. Видишь, впереди идет стройный молодой? На груди у него нарисован барс, схвативший лошадь. Этот знак носят юноши нашего горного племени. Видишь его загорелое лицо? Вот он смеется, не думая о скорой смерти. Наверное, это храбрейший из храбрых. Три года назад римские собаки захватили в плен много наших молодцов.

Стройный гладиатор, на которого указала Амика, быстро вышел из рядов и схватил за уши испуганного ослика, за которым бежал старый крестьянин.

— Пожалуйста, возьми, кушай, что хочешь, — говорил старик, — тебе ведь жить недолго.

Гладиатор взял из корзины два яблока и хлебец и с добродушной улыбкой, зазвенев цепью, ударил старика по плечу:

— Кто знает, кому из нас дольше жить?

Так как ворота были еще закрыты, гладиаторы остановились и опустились на землю около дороги.

Амика пыталась пробраться к гладиатору-фракийцу, но надсмотрщик рабов грубо схватил ее за плечо и отшвырнул, хлестнув бичом. Гета, увидя, что бьют его друга, прыгнул, как кошка, на спину надсмотрщику и вцепился зубами ему в шею.

— Смотрите, какой волчонок! — закричали кругом. — И этот верзила не может стряхнуть его! Ай да молодчина!

Фракиец-гладиатор заметил борьбу надсмотрщика с мальчиком, которого тот скинул на землю и пытался задушить.

Окруженные воинами, шли стройные сильные люди.

Мгновенно отстранив стражников, смертник бросился на надсмотрщика и вырвал у него из-за пояса меч. Все побежали в стороны, а надсмотрщик, закрыв лицо руками, ожидая смерти, упал на землю.

Фракиец поднял полузадушенного мальчика и сказал Амике: — Иди за мной! Я вижу, ты нашего племени.

Побледневший, но гордый и готовый к схватке, он направился обратно к своим товарищам-гладиаторам. Все кругом затихли, ожидая, что будет. Воины подходили к нему с копьями наперевес. Фракиец бросил меч в ту сторону, где все еще лежал на земле надсмотрщик; меч блеснул в воздухе и воткнулся острием в землю около его головы. Владелец гладиаторов уже бежал к месту столкновения. Толстяк со старушечьим лицом, казначей Красса, тоже соскочил с носилок и со страхом, прячась за своих надсмотрщиков, подходил к гладиаторам.

— Кто смел тронуть рабов преславного Марка Лициния Красса? Вы все ответите за это!

— Не пищи, старушонка! — закричали гладиаторы. — Не мешайся не в свое дело, иначе мы устроим гладиаторские игры здесь сейчас и перебьем и тебя и всех твоих подлых помощников. — Внезапно бросившись вперед, они схватили казначея и притащили его в свои ряды.

— Отныне это моя сестра, а это мой брат, — указывая на Амику и Гету, сказал казначею гладиатор-фракиец, — и если ты захочешь отнять их у меня, то я рассеку тебя на два ломтя, как арбуз.

Ланиста¹, низко кланяясь, подошел к казначею Красса, который дрожал в руках смертников, и стал торопливо объяснять ему:

— Это наш лучший гладиатор; до сих пор ни один воин не смог на арене победить его. Цирк всегда полон, когда объявлено, что он будет участвовать. На что тебе эта девушка и мальчик? Продай их мне. Я дам хорошую цену.

¹ Гладиаторы находились в собственности какого-либо лица, который за деньги показывал их в цирке. Обычно такой владелец назывался «ланиста». Это слово означает «палач» и «учитель фехтования».

Казначей Красса, заикаясь, боясь, что смертники его разорвут, согласился на продажу. Ланиста передал ему кожаный мешочек с монетами.

— Половину нам! — закричали смертники.

Казначей трясущимися руками отсыпал половину кошелька гладиаторам и, придерживая длинную одежду, поспешно направился к носилкам.

— Меня зовут Спартак, — сказал фракиец Амике.

Высоко на стене прозвенели бронзовые щиты, в которые ударяли жрецы бога Аполлона, и хромой сторож прополз к воротам. Он открыл их большим заржавленным ключом, висевшим у него на поясе, и вся толпа, теснясь, двинулась внутрь города.

5. В школе гладиаторов

Приближалась весна. Еще листья не распустились, но акации зацвели и казались осыпанными снегом. Проливной дождь залил все дороги. Сторож у ворот капуанской школы гладиаторов, завернувшись в порыжелый заплатанный плащ, спрятался в нишу стены. Виден был только его нахлобученный помятый бронзовый шлем с тремя выцветшими красными перьями, шнурованные сапоги и копье, крепко схваченное корявыми пальцами.

Обходя лужи, засыпанные белыми лепестками акаций, к воротам приблизилась молодая смуглая женщина. Ее красная одежда и серебряная серьга в ноздре показывали, что это была рабыня из «варварского» восточного племени. Она остановилась около сторожа, прислушалась к его храпу и нерешительно прислонилась к стене.

Вскоре из ворот показалась кудрявая голова черноглазого мальчика. Он посмотрел по сторонам и, заметив женщину, проскользнул к ней.

— Амика, я несколько раз выходил и решил уже, что в такой дождь ты не придешь.

— Спасибо, милый Гета. За это получи две горсти орехов. Передай Спартаку этот хлеб, только смотри, передай ему в руки, никому другому не давай. И еще здесь вареная с луком баранья голова. Скажи ему, что надо очень спешить, — представление в цирке назначено через восемь дней. Уже всюду по городу на стенах красуются объявления. Большими буквами написано, что непобедимый гладиатор-фракиец Спартак будет драться с непобедимым гладиатором-галлом Криксом.

— Я ему все скажу, Амика.

— Каждый раз, когда бывает бой в цирке, я умираю от страха, не зная, увижу ли я его в живых. Помни, хлеб передай ему прямо в руки.

Раскатыстый удар грома разбудил сторожа, он вскочил и, поправив съехавший на сторону шлем, устоял на Амику.

— Ты опять пришла сюда? — хрипло закричал он. — Теперь никакие свидания ни с кем не разрешаются. Уходи прочь! Увидишь его на арене цирка.

Гета, спрятав под плащом узелок с едой, пробрался обратно в ворота.

Он пробежал через широкий квадратный двор. По сторонам в открытых дверях грязных казарм толпились разноплеменные гладиаторы: галлы в плотно прилегающих одеждах, бородатые скифы в пестрых шароварах, чернокожие нубийцы с ожерельями из мелких белых раковин, бледные сирийцы в полосатых плащах. Все это были военнопленные, не имевшие за собой никакой вины, кроме одной, — они защищали родину от римских войск и попали в плен.

Гета прошел в ту казарму, где находились фракийцы. Большие, загорелые, с вьющимися волосами, заплетенными в две косы, фракийцы сидели на полу на рваных подстилках: одни чинили медными иглами одежду, другие играли в кости, некоторые, обняв колени и раскачиваясь, тянули хором заунывную песню.

У всех фракийцев на теле виднелись наколотые синей краской изображения звезд, орлов или диких зверей. Этими ри-

сунками на теле они отличались от гладиаторов других племен.

Не найдя здесь Спартака, мальчик направился в другую сторону, но, услышав по дороге знакомое имя, невольно остановился.

Гета понимал язык многих гладиаторов. Уже второй год он жил в школе, владелец которой хотел воспитать из него ловкого гладиатора. Он научился немного говорить по-галльски и по-нумидийски и даже на языке черных нубийцев.

— Спартака надо убить, — говорили в одной группе галлы.

— Он самый сильный и ловкий из нас, мы не можем с ним бороться. Надо его подстеречь, навалиться толпой и задушить петлей.

— Сделаем это сегодня...

Испуганный Гета побежал дальше, чтобы рассказать все Спартаку. Мальчик любил Спартака, Спартак делился с ним и хлебом, и луком, и виноградом и защищал его от обид. Не раз, указывая на рисунок скачущего коня, наколотый на груди мальчика, Спартак говорил ему:

— Это наш фракийский конь, и ты, мальчик из смелого племени гетов, тоже нашей крови.

Не найдя нигде Спартака, мальчик поднялся на наружную каменную стену, и там, среди бойниц, он нашел своего друга. Спартак сидел на камне, не обращая внимания на дождь, смотрел вдаль на синие, еще покрытые снегом зубчатые вершины гор и что-то бормотал.

— Спартак, очнись, Спартак! — шептал мальчик, тряся его за плечо.

Спартак повернулся к нему. По загорелому лицу его текли капли дождя.

— Не оставайся здесь один, иди к нашим фракийцам... — твердил Гета.

— Посмотри-ка туда, вдаль, мальчик, — сказал Спартак, не обращая внимания на его слова. — Я с детства привык бродить по таким скалистым вершинам, где встречался только

с легким оленем и могучим медведем. Вот теперь с этой стены я вижу синие дали, и они зовут меня прочь из этой клетки — к горным ветрам и ледникам над обрывами. Бедный сирота, ты растешь в каменных подвалах и не знаешь, как хороша свобода.

— Спартак, тебе грозит беда... — Гета рассказал про разговор галлов.

Спартак внимательно выслушал. Его брови сдвинулись. Он вскочил, сжав кулаки.

— Безумцы! Слепые кроты! Разве моя смерть спасет их от смерти в цирке? — Он вытер полой плаща лицо и положил сильную руку на плечо Геты. — Ладно, как-нибудь споюсь с ними. Что дрожишь? Ты не заметил, приходила ли Амика?

— Да, я видел ее, она передает тебе вот это.

Спартак развернул сверток и радостно схватил продолговатый ячменный хлеб; баранью голову он передал обратно мальчику.

— Это тебе. Мне рассказывал мой учитель-грек, что древние герои кормили своих маленьких детей бараньими мозгами, чтобы они делались сильными. Съешь эту голову, может быть и ты станешь героем.

— Вот они идут! — воскликнул мальчик.

По стене цепью пробирались галлы. Впереди шел молодой галл Крикс, стройный, широкоплечий, с мощными, цепкими, точно клешни морского рака, руками.

Спартак насвистывал, прислонившись к выступу стены.

Стена была узкая — одновременно мог идти только один человек. Но внизу, под стеной, собралось несколько десятков галлов. У них в руках были камни. Слышались угрозы:

— Крикс, сбрось его к нам!

— Далеко ли собрался? — с насмешкой крикнул Спартак. — Не торопись. Я знаю, зачем ты идешь. Но сперва выслушай меня, Крикс: всех нас ждет одна участь — мы все умрем на арене для потехи толпы.

— Лучше разделим этот хлеб в знак дружбы.

— Бей его! — раздался голос снизу. — Он хочет тебя перехитрить.

— Крикс, остановись!

Спартак отступил назад, разломил пополам хлеб и выхватил из него запеченный кинжал. Держа нож в одной руке, Спартак другой рукой протягивал хлеб.

— Лучше разделим этот хлеб в знак дружбы. Ты, Крикс, храбр и силен. Поклянемся сломать нашими руками ворота тюрьмы и пробиться в эти синие горы. Там скрывается много свободных беглецов. Лучше умереть на воле в борьбе за свободу, чем в цирке избивать своих же друзей. Вы видели, как на желтой арене падают на песок раненные товарищи, разве у всех нас не одинаково красная кровь? Римляне нарочно подстрекают один народ против другого — фракийцев против галлов, сирийцев против самнитов, чтобы мы яростней дрались

на арене для потехи праздных богачей. Они ведь нас боятся и хотят самых смелых из нас уничтожить. Но если мы объединимся, мы заставим задрожать от страха могучий Рим. Мы поднимем всех рабов Италии. Бежим отсюда!

Галлы внимательно слушали. Некоторые уронили камни.

— Но как достать оружие? — раздался неуверенные голоса.

— Оружие мы добудем! — воскликнул Крикс. — Ты прав, Спартак, и я рад, что ты с нами, а не против нас. Вот тебе моя рука навеки. В знак дружбы я беру половину твоего хлеба и буду отныне делить с тобой все — и радость и горе. Кто пойдет с нами биться за свободу? Подготовимся к побегу.

— Будьте осторожны, не проговоритесь! — заметил Спартак. — За попытку к бегству раба ждет казнь.

6. Смелое бегство

В эту ночь около двухсот гладиаторов, главным образом галлов и фракийцев, когда остальные гладиаторы спали, бесшумно поднялись и направились к воротам. Только у немногих были простые ножи и железные вертела, похищенные из кухни. Остальные имели деревянные мечи, обшитые кожей, и копья с деревяшками на конце. Такие мечи и копья служили в школе для упражнений.

Навстречу смельчакам уже бежали предупрежденные кем-то сторожа с пылающими факелами, а за ними шли римские легионеры¹ с обнаженными мечами.

— Назад, бунтовщики! — кричал начальник школы. — Избавьте их!

Римские воины набросились на безоружных гладиаторов.

— Не отступайте! Вперед к свободе! — кричали Спартак и Крикс. С помощью подоспевших товарищей они распахнули тяжелую окованную дверь.

Но только семьдесят четыре человека прорвались и выбе-

¹ Легионеры — воины.

жали в поле. Остальные были частью перебиты, частью загнаны в темные подвалы.

Ничто теперь не могло остановить смелых беглецов. Упорно они пробирались вперед через рощи и поля, направляясь на юг, где в тумане вырисовывались далекие горы. На рассвете им попался обоз с оружием. С радостью набросились гладиаторы на повозки и расхватили все, что только могло пригодиться для боя.

— И мы пойдем с вами! — заявили рабы-погонщики.

Лошади и мулы были выпряжены, на них посадили тяжело раненых, и весь отряд спешно продолжал путь к югу, пробираясь проселочными тропинками, избегая главных дорог.

К вечеру нужно было сделать остановку. Гладиаторы падали от усталости. Спартак указал на мраморную виллу, стоявшую уединенно на холме. Вилла принадлежала знатному богачу, обычно проводившему в этом поместье летние месяцы. Оливковые и кипарисовые рощи окружали ее, и на склонах холма множество рабов, звеня железными цепями, вскапывали землю виноградника.

— Мы ночуем здесь, в этой вилле, — сказал Спартак. — А эти труженики, — указал он на рабов, — конечно завтра же будут нашими лучшими товарищами.

Гладиаторы поднялись на холм. Вокруг поставили часовых. В подвалах нашлись запасы копченых окороков, большие круги сыра и глиняные кувшины старого вина.

В этот вечер беглецы избрали трех начальников: фракийца Спартака и галлов Крикса и Эномая. Главным начальником отряда был избран Спартак.

Ночью поднялась тревога. К вилле кто-то подъехал. Часовые схватили под уздцы взмыленного, усталого коня; с него соскочили молодая женщина и мальчик.

— Свои, свои! — кричал детский голос. — Где Спартак?

— Амика! Гета! Как вы нас нашли? — спрашивали часовые-фракийцы.

— Во время вашего боя я спустился по веревке со стены, —

— Мы ночуем здесь, в этой вилле,—сказал Спартак.

объяснял Гета. — Я побежал в город и разыскал Амику. Мы решили, что вы никогда не вернетесь назад, и поэтому вместе пошли на юг вас догонять. По пути встречные рабы на полях только и говорили о восстании гладиаторов в Капуе и о том, как бы им присоединиться к вам. Мы с Амикой отбили коня из табуна какой-то виллы. Теперь уже мы никогда не расстанемся с вами.

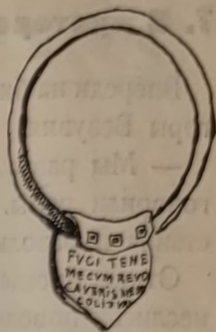
Рано утром к вилле сошлись десятки рабов со всего поместья. Они разбивали цепи на ногах, железные кольца на шее и просили оружия. Некоторые явились с топорами, косами и кузнечными молотами.

— У кого нет оружия, берите острые колья, ими мы будем бить врагов! — говорили гладиаторы.

— Освободи тех рабов, которые сидят под землей, — просили пришедшие.

Спартак в сопровождении дрожащего от страха управляющего поместьем спустился в подземную тюрьму, где в сырых, смрадных подвалах помещались непокорные или провинившиеся рабы. Закованные в цепи, они вертели тяжелые жернова, тесали камни для фундаментов, исполняли самые тяжелые работы.

Рабы не верили своему счастью, когда Спартак приказал кузнецам разбить их цепи.

Ошейник раба.

Спартак не медлил и быстро двинулся дальше. К вечеру отряд был в окрестностях приморского города Неаполя и опять остановился в богатом поместье. Всюду по пути рабы толпами присоединялись к восставшим.

В несколько дней отряд возрос до двух тысяч человек. Спартак, боясь погони, торопился увести беглецов возможно дальше.

В одном месте дорогу им преградил отряд конных стражников. Молодой римлянин в серебряном вооружении, сдерживая горячего коня, украшенного шкурой леопарда, издали кричал запыленным, усталым гладиаторам:

— Назад, бродяги! Остановитесь! Именем сената¹ я обещаю вам, если вы выдадите зачинщиков бунта, вы все получите прощение. Опуститесь на колени и поднимите палец левой руки. Я обещаю, что тогда мы вас не тронем.

Передовые гладиаторы с такой яростью бросились на стражников, что те рассыпались во все стороны и ускакали. Начальник был камнями сбит на землю. Гладиаторы подвели его коня Спартаку. Он сорвал с коня золоченую сбрую и бросил ее на землю. Себе он взял только шкуру леопарда.

— Борцы за свободу не смеют себя украшать тем золотом, ради которого римляне проливают столько крови. Вот эта шкура будет мне чепраком, она же мне будет постелью.

¹ Сенат — высшее правительство Рима.

7. В кратере Везувия

Впереди на бирюзовом небе вырисовывалась темная вершина горы Везувия.

— Мы разбудим эту гору¹, которая спит уже тысячу лет, — говорили рабы. — На ее вершине вспыхнет яркое пламя восстания и разольется по всей Италии.

Отряд прошел мимо города Неаполя. Всюду по дорогам неслись повозки, нагруженные драгоценной финикийской мебелью, коврами и другим имуществом богачей. Все они бежали из своих поместий, где рабы восставали, услышав призыв Спартака. В городах при приближении рабов запирались ворота и на стенах выставлялась стража.

Спартак повел отряд гладиаторов прямо на Везувий. Единственная тропинка вела на его вершину.

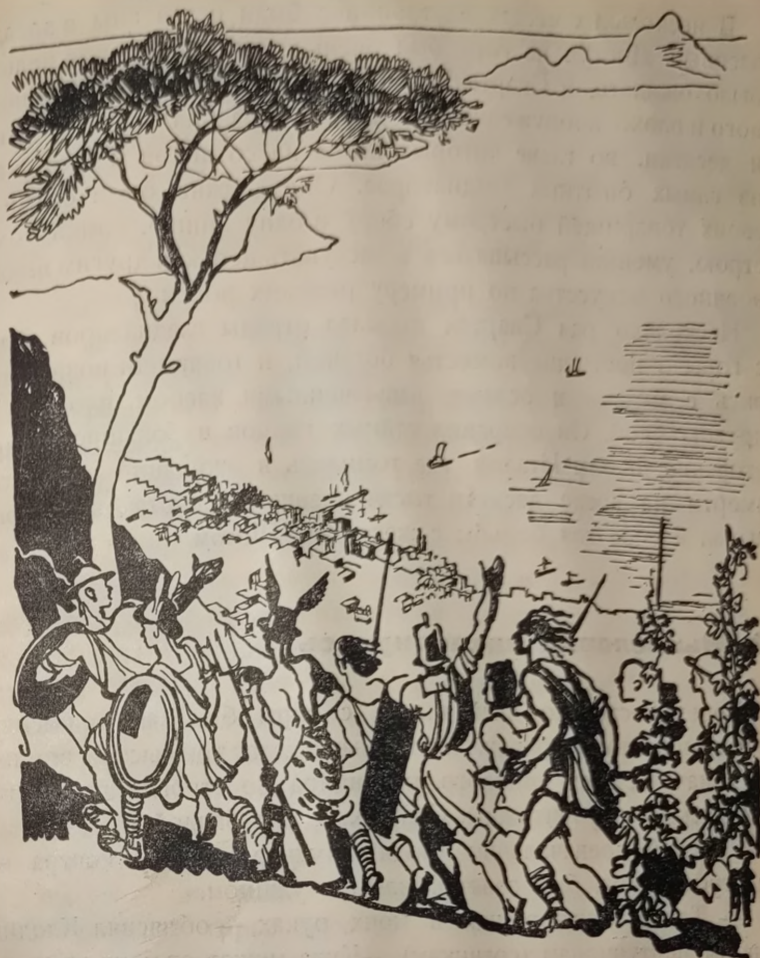
У подножья горы раскинулись роскошные сады, виноградники и оливковые рощи. Среди них белели мраморные виллы. Три городка лежали рядом. Один из них раскинулся на самом берегу. В его гавани покачивались стройные галеры с косыми парусами. Чем выше поднималась тропинка, тем шире и беспредельнее раскрывалось перед взорами синее море.

— Быть может, скоро мы достигнем кораблей и уедем из этой жестокой, беспощадной страны, — говорили рабы.

Ближе к вершине горы местность становилась все суровее — виноградники сменялись глубокими бесплодными ущельями, где были нагромождены зубчатые черные скалы и странно застывшие глыбы темнокрасной лавы.

Достигнув вершины горы, гладиаторы нашли в ней глубокую впадину — кратер, в котором блестели небольшие, разбросанные среди скал озера. Вода в одних была пресная, в других горячая и горько-соленая. В некоторых озерах плавали редкостные рыбы, похожие на тех, которые в бурю выбрасываются на берег разбушевавшимся морем.

¹ Везувий в это время считался навеки потухшим вулканом. Первое его извержение произошло через 150 лет после восстания Спартака.

В гавани покачивались стройные галеры...

Нагроможденные обломки скал, странной формы застывшая лава, напоминавшая окаменевших чудовищ, — все это походило на остатки грандиозного пожара. В то же время между камнями пробивались цветы и плети ползучих растений; столетние виноградные лозы, как громадные змеи, тянулись по скалам, сплетаясь в громадные клубки.

В нескольких местах на тропинке были оставлены в засаде часовые. Доступ на гору был очень труден. Нападения нельзя было ожидать, и Спартак занялся обучением своего разрозненного и плохо вооруженного войска. Он разбил всех на сотни и десятки, во главе которых назначил сотников и десятских из самых опытных гладиаторов. Они должны были обучить своих товарищей быстрому сбору в одну линию, сомкнутому строю, умению рассыпаться и наступать цепью и другим видам военного искусства по примеру римских войск.

Несколько раз Спартак посылал отряды гладиаторов вниз с горы в цветущие поместья богачей, и товарищи возвращались с мулами и ослами, навьюченными хлебом, плодами и другою едой. Он отправил тайных гонцов в большие гладиаторские школы Италии, где томились в ожидании позорной смерти на арене десятки тысяч пленных. Спартак всех призывал к себе для борьбы с жестоким Римом.

8. Мышеловка захлопнулась

Через несколько дней выход с горы был занят римским отрядом. Это встревоженный сенат выслал три тысячи воинов под начальством опытного командира со строгим приказом: «Разыскать и уничтожить Спартак с его бандой».

Римский военачальник Клодий Пульхр, лежа у костра на пестром ковре, был занят обильным ужином.

— Теперь бунтовщики в моих руках, — объяснял Клодий своим центурионам (сотникам). — Куда может от меня спастись Спартак? Этот грубый гладиатор ловко владеет мечом на арене цирка, но разве он может управлять целым войском? Например, разве благоразумно забраться на вершину Везувия, куда ведет только одна тропинка? Мы будем спокойно ждать, пока разбойники начнут подыхать с голоду. Тогда, обессиленные, они сами один за другим спустятся сюда к нам в лапы, и мы будем их вязать, а потом снова покажем их в цирке на страх

другим недовольным рабам. Они сами притащат мне связанного Спартак. — И Клодий самодовольно поглядывал на лиловую вершину Везувия, которая темным зубцом вырисовывалась на вечернем оранжевом небе.

В это самое время Спартак и несколько его товарищей обходили обрывистые края горы, выискивая место, где бы можно было им спуститься. Но скалы были отвесны, всюду под ногами виднелись глубокие ущелья, летали громадные орлы.

— Вот наше спасенье! — воскликнул Спартак и приказал всему отряду рубить лозы одичавшего винограда и связывать их вместе ивовыми прутьями.

Вечером и всю ночь при свете костров гладиаторы упорно плели лестницу из гибких длинных ветвей.

Перед рассветом лестница была осторожно спущена в пропасть. На конце лестницы был привязан камень весом более тяжести человека, чтобы испытать ее прочность.

Первым вызвался спуститься маленький Гета. Темная бездна разверзлась под смелым мальчиком. Казалось, лестнице не будет конца; ветер раскачивал неуклюже связанные виноградные стволы. Наконец Гета достиг дна и свистнул два раза, что означало благополучный спуск.

За ним последовали другие товарищи. Долго спускались гладиаторы. Последний сперва спустил на веревке связанное пачками оружие. Это был тяжелый Крикс, и лестница тревожно скрипела под его грузным телом.

Римляне, уверенные в своей безопасности, беззаботно храпели внизу горы. Часовые сонно следили за тропинкой, ожидая, что скоро появятся первые перебежчики, измученные голодом. Ночью часовые подняли тревогу и вызвали начальника Клодия — они слышали шум и шаги на тропинке: у кого-то из-под ног скатывались камни. Клодий с мечом в руке всматривался в темноту.

— Стой! Ни с места! — закричал передний часовой.

В ответ раздался дикий ослиный рев, и на свет костра вышло несколько ослов.

Легионеры обратились в бегство.

— Смотрите!—воскликнул часовой.—У этого осла на шее повешена доска, на ней что-то написано.

Один из воинов прочел:

«Мудрому и смелому Клодию Пульхру. Ослы, оставшиеся на вершине Везувия, умоляют о прощении и просят их накормить. Спартак».

— Это хороший знак,—сказал один сотник, желавший понравиться начальнику.—Гладиаторы назвали самих себя ослиами за то, что подняли бунт. Они умирают с голоду и просят о прощении.

В то время как начальник Клодий Пульхр и его надменные помощники смеялись над тем, что «грязные бунтовщики уми-

рают от голода и страха на горе», Спартак со своими смелыми товарищами в темноте подкрадывался к римскому лагерю.

В полной тишине, нарушаемой только криком испуганной птицы или хрустом сухой ветки, рабы приближались к безмолвному лагерю противника. С воинственными криками они напали на спавших римских солдат. Начальник Клодий Пульхр первый ускакал на неоседланном коне. Легионеры, охваченные ужасом, обратились в бегство, не думая о защите. Весь римский лагерь со всем оружием, амуницией и припасами достался Спартаку почти без боя.

9. Прерванные игры

В Риме происходили очередные празднества.

Громадные объявления, написанные краской на стенах домов, обещали исключительное представление в большом римском цирке: «Охота львов на диких быков», «Бой десяти скифов с десятью свирепыми медведями», «Состязания в скорости нумидийских всадников с «заморским воробьем»¹, у которого ноги длиннее лошадиных, шея похожа на копье, в хвосте всего одно перо и любимая пища которого—камни, гвозди и медные монеты».

Кроме того были обещаны комические представления веселых канатоходцев, глотателей огня, прыгунов, фокусников и танцоров. Наконец объявлялись гладиаторские игры—сражение между собой маленьких карликов и схватки трехсот пар обученных воинов.

Представление продолжалось целый день. Бои гладиаторов были жестокие. Напрасно раненные отбрасывали щиты и поднимали пальцы левой руки, прося пощады. Возбужденные кровавым боем зрители кричали: «Добей его!» и опускали большой палец правой руки, требуя этим смерти.

¹ «Заморским воробьем» назывался у римлян африканский страус.

— Добей его!

— Никакой пощады гладиаторам!—говорили богатые зрители.—Скоро Клодий Пульхр приведет сюда в цепях Спартак и его дерзких товарищей. Посмотрим, как они на арене перережут друг друга.

В то время как слуги разносили по рядам зрителей подносы с различной едой и начиналась свалка среди желавших получить даровое угощение, в мраморную ложу, где сидели два консула¹, вошел запыленный гонец.

Почтительно склонившись и протянув руку вперед, гонец передал свиток, завязанный красным шнурком с восковой печатью.

— От кого письмо?—лениво протянул консул, занятый боем на арене.

— От Клодия Пульхра.

Окружающие следили за выражением бритого морщинистого лица консула, когда тот читал письмо. Он не мог сдержать волнения. Наклонившись к другому консулу, он, задыхаясь от бешенства, шептал:

— Неслыханный позор! Рабы, вооруженные кольями, разбили и разогнали весь отряд Клодия Пульхра! Он сам едва спасся. Весь лагерь, все оружие попали в руки грязных оборванцев.

— Но ведь это уже грозит безопасности Рима!—воскликнул второй консул.—Теперь Спартак может идти куда угодно, собирать новые силы, бунтовать рабов. Где Клодий Пульхр?

— Он укрылся в загородной вилле и пишет оттуда, что посыпал голову пеплом, сидит закутанный в плащ, обливаясь слезами, отказываясь от еды.

— Какая нам польза от того, плачет он или нет? Надо предать его суду и казнить, спешно созвать под знамена новые войска, назначить смелого начальника и немедленно же затушить это опасное пламя, зажженное дерзкими разбойниками.

— Сколько было у Клодия Пульхра?

— Три тысячи воинов.

¹ Консулы — высшие правители республики, избиравшиеся на один год.

— Мы пошлем шесть тысяч. Мало? Пошлем десять тысяч, но мы добьемся разгрома Спартака.

— Кого послать?

— Пошлем старого Вариния. Он опытен в военном деле и смел в нападении. Он не станет ждать, как Клодий Пульхр, чтобы спартаковцы сами попали к нему в руки.

Известие о гибели римского отряда распространилось среди зрителей цирка. Всюду упоминалось имя Спартака. Волнение докатилось до верхних рядов, где бедняки толпились на деревянных галереях. Оба консула и сенаторы внезапно поднялись и удалились из цирка, представление было прервано, и зрители на этот раз не увидели ни бега заморского воробья, ни боя скифов с медведями.

10. В лагере Спартака

На склоне горы, откуда открывался вид на плодородные поля Кампании и темносинее море, раскинулся лагерь Спартака. Глубокий ров шел кругом, за ним поднимался вал. Отдельный отряд стоял на главной дороге между Неаполем и Римом и перехватывал все транспорты с хлебом, направлявшиеся с юга, с острова Сицилии.

Среди шалашей, сплетенных из ветвей, на узкой площадке, была растянута на нескольких кольях пестрая конская попона. Она защищала от дождя и ветра. Тут жил Спартак. Он сидел на шкуре леопарда и обломком кирпича чистил свой меч. Около костра Амика, опустившись на колени, наблюдала за бронзовым котлом, в котором варилась репа и кусок баранины. К Спартаку подошел Крикс.

— Зачем ты не перейдешь для ночевки в виллу? Патриции умеют жить в свое удовольствие. В вилле мы найдем и бассейны для купанья, и мягкие пуховые подушки, и прохладные комнаты, полные прекрасных мраморных статуй.

Спартак тряхнул кудрями и засмеялся. Молодое загорелое

лицо его с серебряной серьгой в левом ухе больше напоминало лицо горного пастуха, чем предводителя войска.

— Эге, вот какую песню ты запел! Но в вилле мы скоро отрастим себе животы и забудем, как рубиться мечами. На что мне вилла? Она мне кажется западней. У нас, фракийцев, есть поговорка: «Кто имеет конскую попону, тот уже имеет дом. А у кого еще есть баранья шкура, у того теплый дом с крышей».

— Разве ты не хочешь дать отдохнуть товарищам, они ведь страдали столько лет?

— От кого я слышу такие позорные слова? — Спартак вскочил и взмахнул мечом. — Для того ли мы пошли на опасности и смерть, чтобы отдыхать в римских виллах? Впереди страшные бои, к ним надо готовиться, не теряя ни одного часа. Если мы теперь разбредемся по виллам, богачи и их прихвостни перережут нас, как поросят. Надо создать такое войско свободных и смелых, которое бы не уступало ни по силе, ни по выучке римским легионам и могло бы разгромить тиранов Рима.

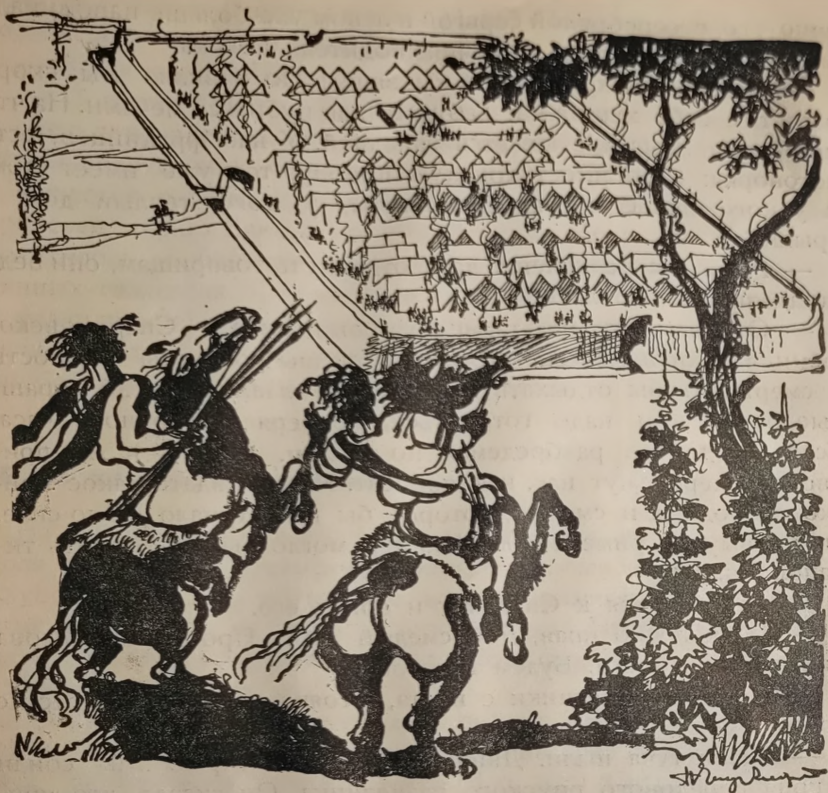
Крикс бросился к Спартаку и обнял его.

— Ты конечно прав, мой смелый друг. Прости мне слова минутной слабости. Будем наготове!

Прибежали разведчики с поста, стоявшего на перекрестке дорог.

— Вдали туча пыли. Двигается большой отряд. Мы сбили с коня передового римского разведчика. Он сказал, что приближается десятитысячное войско под начальством Вариния. Римляне разослали по всем дорогам отряды всадников, которые хотят окружить нас.

Спартак отвязал коня, стоявшего близ его навеса, накинул на него шкуру леопарда и туго затянул подпругу. Он закутался в короткий шерстяной плащ, взял три копия и легко вскочил на коня. Он сидел на нем, сжавшись в комок, похожий на зверя, готового к прыжку. Конь помчался в ту сторону, откуда приближались римляне. Со Спартаком отправилось

Они увидели огромный квадратный лагерь римских легионеров.

несколько пастухов, хорошо знавших местность, и мальчик Гета, никогда не покидавший своего старшего друга.

Всадники пробрались тропинками среди виноградников и поднялись на холм. Оттуда они увидели огромный квадратный лагерь римских легионеров. Правильными рядами горели костры. Одни воины расставляли палатки, другие кирками копали ров и позади него возводили прочный защитный вал с высоким частоколом.

— Нужно подойти ближе и подслушать, — сказал Спартак, — долго ли они намерены здесь стоять.

— Мы отправимся на разведку, — решили пастухи, соскочили с коней и бесшумно исчезли в кустах.

— И я отправлюсь с ними! — воскликнул Гета. — Я, как уж, всюду пролезу.

Спартак пристальным взглядом окинул мальчика.

— Попробуй, но будь осторожен.

Гета передал повод коня спутнику и направился по узкой тропинке сквозь густые заросли.

11. В плену

Гета пробирался между рядами виноградных лоз; длинные каменные заборы часто преграждали путь. Он осторожно перелезал через них, опять нырял в густые зеленые ветви, придерживаясь тропинки, проложенной шакалами и лисицами. В одном месте пришлось ползти на четвереньках. Вдруг копье с силой вонзилось в землю около него и пригвоздило край его плаща. Жесткая рука схватила Гету за плечо и куда-то поволокла.

На недавно вспаханной площадке среди высоких кустов потрескивал костер. Два воина сидели около огня и жарили на вертелах куски мяса.

— Кого притащил?

— Лазутчика. Ну, малыш, сядь-ка здесь передо мной и гляди на меня.

Гета опустился на землю.

Перед ним был старый воин.

Глубокие морщины избороздили его лицо. Потемневший бронзовый шлем, прихваченный ремнем за подбородок, сполз на затылок. Грубая одежда пестрела заплатами.

Старик пристально всматривался в мальчика и медленно поднес два волосатых кулака к его носу.

— Вот этот кулак — твоя смерть, а этот — твой гроб. Сейчас же говори правду, куда шел.

Гета протянул руку и жалобно простонал:

— Дай хлеба.

Старик заморгал глазами, его кулаки разжались и полезли в кожаный мешок, лежавший рядом, на обрывке старого ковра. Он достал сухой хлеб, повертел его, разломил и меньшую половину дал мальчику.

Гета сунул кусок в рот, но от страха не мог проглотить.

— Бунтовщик! Много вас таких бегунов?

Гета только мотал головой. Непонятно было, хочет ли он сказать «да» или «нет». Один из воинов, держа в руке вертел с дымящимся куском мяса, схватил за ворот Гету и поставил его на ноги.

— Из рабов? Спартак змееныш! Смотри-ка, Спурий, у него на груди нарисован скачущий конь. Это фракиец. Порасспроси-ка его хорошенько! Попробуй только убежать! Кишки выпущу вон. — Он придавил Гету так, что тот снова присел на землю.

Старик, поймавший Гету, захлестнул ему шею ременной петлей, конец ремня намотал себе на руку.

— Теперь не убежишь!

Он стал спрашивать Гету: далеко ли бунтовщики, много ли их, хорошо ли кормят, каков с виду Спартак, правда ли, что он большой, как медведь, и сразу съедает барана.

Гета все мотал головой и мычал.

— Спурий! Что ты возишься с мальчишкой? — сердился другой воин. — Гони его вон, а не корми хлебом.

— А я сделаю его своим оруженосцем. Пускай носит за мной копье.

Вскоре два воина ушли сменять часовых. Спурий остался один с Гетой. Старик, видно, любил поговорить, и так как мальчик упорно молчал, Спурий, поджаривая на углях кусок баранины, толковал сам с собой:

— Сколько лет я был воином, а где мне награда? Под на-

чадьством Суллы я прошел Грецию и Фракию, сжигая города и селения, а кроме рубцов от ран, ничего домой не принес. А вернувшись, что я нашел дома? Моя хижина покосилась, тростник на крыше обвалился. Жена стала изможденной старухой и не знает, как прокормить внучат. Всю землю отнял богат-сосед и обрабатывает ее с помощью рабов. Нас полководцы убеждают «биться за могилы предков и за родные земли». Все это ложь. У нас, простых воинов, нет своей земли. «У диких зверей есть норы и логовища, а у тех, кто сражается за Италию, нет ничего, кроме света и воздуха», так говорил столет назад защитник бедного народа Тиберий Гракх. А разве что-нибудь изменилось с того времени? Мы идем на войну, сражаемся и умираем, чтобы доставить роскошь и богатство немногим патрициям. Если бы у меня было несколько рабов, хотя бы из числа тех, которых я брал в плен, я бы еще смог оправиться — заставил бы их работать на меня и понемногу бы разбогател. А всех рабов скупают богачи. Нам же, простым воинам, беднякам, и думать нечего получить умелого, обученного доходному ремеслу раба. Теперь призвали старых воинов ловить взбунтовавшихся рабов, а я вот не хочу воевать! Ну, сам посуди, звереныш, как мне идти в поход? Когда меня призвали и сказали: «Ты пойдешь драться»? Я ответил, что пришел босой. Посмотрели они на мои ноги и выдали две калиги¹, обе с правой ноги, и одна мне велика, а другая мала.

Гета наблюдал за воином, а сам думал об одном — как бы убежать.

Пришли часовые на смену. Спурий свернул коврик, спрятал кружку в мешок и потянул Гету за ремень.

¹ Калиги — зашнурованные, сплетенные из ремней солдатские сапоги.

12. В римском лагере

Спурий, прихрамывая, шагал по лагерю и тащил за собой маленького Гету.

— Не самого ли Спартака ты ведешь? — кричали ему воины. — Долго ли ты дрался, чтобы поймать такого щенка?

Спурий прошел по дорожке среди бесчисленных кожаных палаток и остановился у высокого шатра из дорогой восточной материи. При входе стоял, облокотясь на копьё, часовой в полном вооружении. Выпуклый квадратный щит был прислонен к ноге.

— Чего тебе?

— Важный лазутчик. Скажи начальнику.

Из шатра вышли два воина и остановились по сторонам. Они держали на плечах туго связанные ремнями пучки прутьев, в которые были воткнуты топоры.

Вслед за ними вышел начальник. Полуседые густые брови нависли над холодными глазами. Выбритое лицо, изборожденное морщинами, было пересечено шрамом от уха до подбородка.

— Где ты поймал этого звереныша?

— Он подползал к нашему лагерю.

— Лазутчик? Прикончить его.

— Это фракиец. Видишь рисунок коня на груди? Пусть его расспросит часовой. Он участвовал в покорении Фракии и говорит по-фракийски.

Часовой спросил:

— Как тебя зовут, щенок?

Гета моргал глазами и молчал.

— Встань, если говоришь с самим начальником.

— Ты из лагеря гладиаторов? — спросил Вариний.

— Да, я убежал оттуда.

Гета решил, что не скажет врагам ни слова правды.

— Меня били и не давали есть.

— Много ли воинов ты видел у Спартака?

— Где ты поймал этого звереныша?

— Раньше было много, а теперь осталось мало. Все от него убегают в горы.

— А чего хотят эти разбойники? Уйти или драться?

— Рабы драться не хотят.

— Какой глупый цыпленок, все выболтал. Этот мальчик больше не нужен. Его можно заколоть и выбросить псам.

Спурий вмешался:

— Достоуважаемый начальник, гордость и украшение смелых! Я давно хочу иметь оруженосца, чтобы он носил за мной копье и дорожный мешок. Подари мне этого варварского звереныша, и я из него сделаю смелого римского legionера.

— Хорошо. Беру.

Так Гета сделался рабом Спурия. Он ходил за ним по всему лагерю, таскал воду из колодца. Но убежать он не мог: вал был высок, всюду стояли часовые и зорко оберегали лагерь; они же заботились о том, чтобы не разбежались римские воины. В первые же дни часть воинов, посланных принести в лагерь дров, самовольно убежала «домой к своим огородам». Другой отряд отказался пойти в разведку к лагерю гладиаторов. По вечерам, сидя у костров, воины передавали страшные рассказы о Спартаке, который будто бы «ударом меча перерубает пополам человека», и о свирепых фракийцах, которые «едят сырое мясо, в бою никогда не отступают и никого не шадят».

13. Где Спартак?

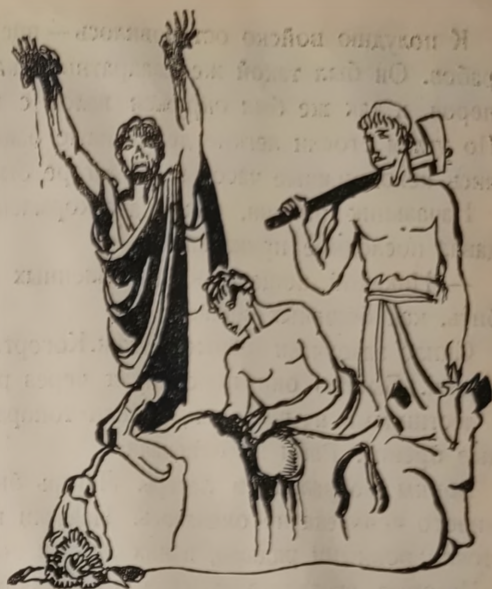
Спурий ударил ногой Гету, который, свернувшись, спал на земле. Гета вскочил, плохо соображая, в чем дело. Утро было прохладное. Восток разгорался. Кругом шумели воины. Они надевали панцири, перекидывали через плечо ремень с мечом. Спурий был уже в панцире, готовый к походу, держал копье и квадратный кожаный щит с медным шишаком посредине.

Мальчик, дрожа от холода, схватил мешок.

— Сейчас будет бой, — пробурчал Спурий. — Смотри, от меня ни на шаг, а то я проткну тебя копьем, как лягушку.

Голова Спурия скрылась под темным бронзовым шлемом. Почти все лицо было защищено от ударов. Видны были только недовольные глаза.

Воины, гремя оружием, собирались на площадку возле лагеря и выстраивались ровными рядами. Посреди площадки стоял сложенный из камней жертвенник, на нем дымился огонь. Несколько стариков в длинных одеждах стояли кругом и по очереди подбрасывали в огонь сосновые ветки. У одного

Жрец предсказывал
удачную битву

была длинная, до земли, одежда и широкий плащ; концом плаща была закутана голова.

— Это наш главный жрец. Он сейчас скажет, удачна ли будет битва.

Привели жирную свинью, черного барана и белого быка. Свинья отчаянно визжала; почуяв кровь, бык ревел и злобно рыл копытом землю. Но воины быстро с ними справились, закололи и вспороли животным грудь.

Старый жрец вынимал печень, сердце, рассматривал, потом подымал окровавленные руки к небу и нараспев говорил молитвы. Он предсказывал удачную битву.

Солнце взошло и стало уже припекать, когда весь отряд двинулся в поход, выбираясь длинной вереницей на пыльную дорогу. Все обсуждали предсказание старого жреца: «Короткий путь и большая удача».

Шли равниной. Поля золотистой пшеницы чередовались с садами и виноградниками.

К полудню войско остановилось — впереди заметили лагерь рабов. Он был такой же квадратный, как у римских легионеров, и так же был окружен валом с высоким частоколом. По углам стояли легкие деревянные башенки, на них виднелись неподвижные часовые. В лагере было тихо.

Начальник римлян, сидя на откормленном белом коне, отдавал последние приказания:

— Никакой пощады врагу! Пленных не брать — всех рубить, как бешеных собак!

Сипло зазвучали боевые рожки. Когорты¹ двинулись беглым шагом. Быстро они перекинули через ров доски, бросились с лестницами на частокол, рубили топорами глубоко вкопанные бревна. Рабы не отвечали.

Воины ворвались в лагерь. Лагерь был пуст — ни одного живого человека не оказалось. Палатки и шалаши из ветвей стояли ровными рядами, в них лежали вещи, подстилки.

Часовые, стоявшие на угловых башенках, оказались трупами умерших воинов.

Триста всадников поскакали в разных направлениях и вскоре привели несколько пастухов. Начальник Вариний выслушивал их несвязные рассказы.

— Сегодня ночью рабы ушли из лагеря, как кошки, без шума. Они направились к югу, к Луканским горам.

— Рабы бежали в Луканию, страну пастухов и разбойников! — воскликнул Вариний. — Их трудно будет ловить в горах. Но мы их все-таки поймаем. Рим, готовь для них цирковую арену!

Отряд спешно двинулся дальше. Дорога шла между холмами. Ехавшие впереди разведчики вернулись вскачь.

— Отряд Спартака перед нами!

В долине, где шахматными квадратами растянулись распашанные поля, стояли готовые к бою гладиаторы. Их было меньше, чем думали римляне. Легионеры, надвинув шлемы

¹ Когорта — войсковое соединение римлян.

на лица, стали быстро спускаться с холма и перестраиваться к бою, выравнивая фронт. Вперед выслали легко-вооруженных — с метательными дротиками, сзади шли тяжело-вооруженные воины, закованные в броню.

Спурий, занимая место среди других тяжело-вооруженных, ворчал:

— Почему это рабы стоят? Что за хитрость они задумали?

Гета взобрался на кочку сзади Спурия. Сердце его усиленно билось. Он вглядывался вдаль, где были пестрые ряды рабов, и отыскивал среди них всадника на вороном коне с желтой шкурой леопарда.

Ряды рабов заволновались. Их фронт, слегка извиваясь, стал сперва медленно, затем быстрее приближаться к римлянам. Прогремел страшный крик фракийцев: «Улалà!»

Передние ряды легко-вооруженных римлян были смяты после первого натиска рабов; тогда на подмогу бросились вторые ряды — тяжело-вооруженных. Гладиаторы нападали яростно, деревянные колья в руках фракийцев превратились в страшное оружие.

Третья когорта, в которой был Спурий, беглым шагом двинулась в наступление. Спурий остановился, сел на землю позади большого камня и стал снимать сапоги.

— Не могу я итти в бой в таких неудобных сапогах. Знаешь что, Гета, я передумал. Мы с тобой пойдем ко мне домой работать в огороде. Повернем-ка назад. Босиком бежать будет легче.

Но Гета воспользовался суматохой и бросился в сторону. Он оглянулся и видел, как Спурий большими прыжками бежал назад по полю, удаляясь прочь от битвы.

Римское войско стало ломать свой строй. Некоторые части подались под неудержимым натиском рабов. Боевые крики фракийцев «улалà» гремели все яростней и громче.

Наконец сперва середина, за нею левый фланг римлян повернули и побежали врассыпную, роняя оружие и щиты.

Легионеры не успели укрыться в своем лагере и побежали дальше. Рабы ворвались в их лагерь и захватили все оставленные там запасы, склады оружия и денежные ящики.

Спартак на вороном коне, покрытом желтой пятнистой шкурой леопарда, прискакал к большому шатру посреди лагеря, где накануне ночевал начальник римлян Вариний, и отдернул полог палатки. По запыленному лицу катились струи пота.

— Где Крикс? — кричал он. — Крикс, ты хотел отдыхать. Смотри, тебе Вариний оставил и мягкое ложе, и пушистые египетские ковры, и кувшины с душистым маслом для втираний. А вот это мы сейчас рассмотрим... — Спартак соскочил с коня и бросился внутрь шатра.

Там стояли одна на другой несколько круглых кожаных коробок. Спартак торопливо доставал из них папирусовые свитки, разворачивал их и передавал писцу; тот бегло их прочитывал и говорил содержание свитков.

— Смотрите, друзья, здесь написаны грозные приказы сената поймать взбунтовавшихся рабов, — смеялся Спартак. — Нас должны привести в Рим. Где же начальник Вариний, которому поручено это дело? Вот я здесь, около его палатки, пусть он берет меня.

Звонкий голос мальчика ответил:

— Вариний ускакал первым, как только увидел, что легионеры стали отступать.

Гета подошел к Спартаку, слушавшему писца, и опустился около него на землю. У него на шее еще было ремненное кольцо.

— Разрежь мне этот ремень, Спартак. Я был в плену.

— Мы одной крови с тобой, — сказал Спартак, разрезая ремень. — Мы не покорные овцы, а любящие свободу волки. Поэтому ты и сумел убежать из плена. Эй, товарищи, режьте этот шатер себе на подстилки! С меня хватит писем сената.

Часть вторая

1. Грозное имя

Спартак стал известен всей Италии. Толпами стекались к нему южноиталийские рабы, в особенности храбрые полудикие луканские пастухи, увидевшие неожиданную возможность

свободы. Число восставших товарищей Спартака в несколько месяцев достигло семидесяти тысяч человек.

Плодородная область Кампании, только что им оставленная, снова была быстро занята. Целый римский корпус, посланный туда для защиты поместий богачей, был рассеян и уничтожен. Теперь вся Южная Италия была в руках освободившихся рабов.

Самые значительные города были взяты штурмом. Раньше хозяева распинали всякого непокорного раба, теперь бывшие рабы сами распинали надменных аристократов на воротах захваченных городов.

Во многих деревнях и городах начались восстания. Рабы убивали своих притеснителей, разбивали цепи, разносили тюрьмы. Разоренные поборами крестьяне оставляли плуги и заступы, пастухи бросали стада и присоединялись к восставшим. Спартак любил за беспримерную отвагу, за разумную решительность и за ту справедливость, с которой он управлял своими отрядами и делил между воинами добычу.

Когда Спартак овладел гаванью Турии (на южном берегу Италии), морские пираты стали помогать ему, доставляя медь, бронзу, железо и все необходимое для войска. Множество кузнецов работало дни и ночи, изготавливая оружие.

Отовсюду к нему съезжались жадные торговцы, чтобы скушать захваченную добычу. Спартак запретил им под угрозой казни являться в лагерь с золотом или драгоценностями, разрешив привозить только продовольствие и оружие, необходимое для ведения войны.

2. Веселый Крик

Зимний вечер опустился клубами тумана на лагерь гладиаторов, где ровными рядами вытянулись маленькие шатры из звериных шкур и шалаши, сплетенные из ветвей. Бесчисленные костры ярче запылали в сизых сумерках, освещая

красным светом суровых воинов, обросших бородами и огрубевших в тяжелой походной жизни.

Вокруг одного костра сидели, кутаясь в шерстяные бурые плащи, начальники отдельных частей. Ветер порывисто налетал, раздувая угли, подхватывал искры и уносил их вверх, к серым свинцовым тучам.

Иногда налетала легкая снежная пыль, и тогда плотнее кутались воины в складки плащей; вспышки огня озаряли смуглые, потрескавшиеся от солнца и ветра мускулистые руки нахмуренные брови и сверкающие глаза боевых товарищей.

«Что же делать дальше?» Эта мысль давно тревожила всех. Многие уже высказали свое мнение, но большинство молчало.

К костру подошел воин с копьем и небольшим круглым щитом на левой руке. Медный шлем с тремя красными перьями и медными нащечниками закрывал почти все лицо.

— Привет тебе, вождь! — сказал воин. — К воротам лагеря подошли двое, говорят, что принесли из Рима очень важные вести, но скажут их только Спартаку. Кто их разберет, что это за люди! Может быть, и врут. Десятский послал меня спросить, что с ними сделать.

Хриплые голоса заметили:

— Пускай расскажут здесь. По их песням мы узнаем, что это за птицы.

Часовой утонул во мраке и вскоре вернулся. За ним подошли двое. В широкополых соломенных шляпах оба имели вид дорожных путников.

Короткие плащи укутывали их до колен, на ногах были сбитые сандалии, в руках дорожные посохи. Один — с длинными кудрями и вьющейся седой бородой, с изможденным худым лицом, другой — толстый и румяный, с черными бегающими масляными глазами. Приветливо улыбаясь, он окидывал взглядом сидевших и кивал всем головой, стараясь задобрить молчаливых вождей.

— Привет вам, непобедимые борцы и смелые герои! — ска-

зал толстый. — Могу ли я, грек Эльпидор, весельчак, актер, певец и танцор, увидеть прославленного вождя Спартака? Мы идем прямо из Рима.

— Садись к костру, обогрейся! Может быть, потом ты его и увидишь.

— А ты из какого племени? — обратился один из вождей к старику.

— Я тоже свободный грек, философ Аристомен, сын Главка, искатель истины и любитель знаний. Родом я из далекого, города Синопа на берегу сурового Эвксинского¹ моря, но учился я мудрости в прекраснейшем городе Греции — Афинах. Римляне меня схватили, незаконно обратили в рабство и привезли в Рим, чтобы там я учил красноречию и философии детей благородных патрициев. Там меня держал рабом знаменитый богач Марк Лициний Красс.

— И ты примирился с этим?

— Можно надеть цепи на тело, но нельзя сковать и образовать в рабство свободную волю и мысль философа. Как только я услышал о вашем восстании, я стал искать случая убежать от моего господина, и наконец мне удалось окольными дорогами притти к вам.

— Что же ты думаешь здесь делать? Чем мог бы ты помочь нам?

— Я слаб, чтобы владеть мечом. Но я умею залечивать раны. Я хочу быть вместе с вами, какие бы опасности вам ни грозили.

— Садитесь к нашему огню. Какие важные новости вы принесли?

Актер Эльпидор сделал многозначительное лицо; он тревожно оглянулся, нагнулся вперед и, подняв палец, стал говорить шопотом:

— Я прямо из Рима; там все в испуге и смятении: кричат, что Рим — вечный город и господин всего мира — в опасности, все пропало, что смотрят консулы, о чем думают «отцы оте-

¹ Эвксинское — ныне Черное море.

чества» — сенаторы? Тогда, по приказанию сената, высшие правители страны, оба консула, сами стали во главе войск. Наднях они должны выступить в поход, но что они смогут сделать с вами? Ведь при первой встрече они разбегутся, как зайцы. Вы — непобедимые герои!

— Пускай придут сюда! — воскликнул один из вождей. — Они тогда узнают, сладко ли попасть в лапы медведей.

Эльпидор засмеялся.

— Хотя и я думаю то же самое, но удивляюсь, почему, вместо того чтобы радоваться и праздновать, вы все такие задумчивые и хмурые? И где вы проводите отдых? Здесь, в поле, под дождем и снегом? Кто и что может устроить вас? Никто. Почему же вы не расположились в городе, в теплых домах, где ветер не продувает, где дождь не льет на макушку? Там не придется коптиться, как сейчас, близ костра. Зачем вам прозябать, как рабам, когда вы сами можете иметь рабов, стать господами других, жить без забот, веселиться и петь песни?

— Ты мне нравишься, — сказал молодой воин. — Сегодня ты будешь гостем галла Крикса и споешь мне лучшие свои песни. Мы, галлы, любим веселье, игры и пляски.

— А что скажешь ты, философ Аристомен? Прав ли твой спутник? Нужно ли нам перебираться в город? — Спросивший глядел пристально светлыми холодными глазами, и сѣрьга в левом ухе блестела при вспышках костра.

Возле него сидел кудрявый загорелый мальчик и с любопытством переводил взгляд то на вождя, то на философа.

— Если вы подняли восстание против могучего, всемогущего Рима, — сказал философ, — то вы проявили мужество, равного которому до сих пор не было в истории. Если вы будете думать только о том, чтобы устроить людям счастливую, свободную жизнь, без рабства, и на это отдадите ваши силы, то все угнетенные, изнемогающие от страданий рабы со всего мира порвут цепи и направятся к вам, и не будет такой силы, которая смогла бы им противостоять. И если бы даже на вас

обрушились несчастья и вас постигла неудача, то многие столетия все угнетенные будут повторять ваши имена и говорить «Вот были же смелые люди, почему и нам не сбросить цепи и не умереть за свободу?»

— Старик, ты хорошо сказал! — воскликнул вождь с серьгой в ухе. — Вот тебе моя рука. Сегодня ты будешь гостем Спартака.

— А узнаешь ли ты меня? — спросил мальчик. — Помнишь ли, как ты вместе со мной и фракиянкой Амикой приплыл на пиратском корабле в город Турни и как нас всех продавали на базаре?

— И ты еще укусил за палец толстяка? — ответил философ. — Я рад видеть тебя, мальчик, в этом лагере, рядом с героями бьющимися за свободу. А где же та танцовщица Амика?

— Она храбро и беззаветно переносит все невзгоды походной жизни и всегда рядом с нами, даже во время битвы, — сказали сидевшие рядом вожди.

Через день беспечный Крикс с двадцатью тысячами галлов и германцев отделился от главного войска Спартака. Они ушли на север, к богатому городу, известному фруктовыми садами, и стали там своим отдельным лагерем. С ними ушел актер Эльпидор. А еще через несколько дней к Спартаку примчались на конях шесть галлов. Они были обвязаны тряпками, кровь и грязь покрывали их. С трудом слезли они с коней и попросили лекаря и воды.

Вот что они рассказали Спартаку, захлебываясь от слез и горя:

— Все двадцать тысяч наших товарищей, галлов и германцев, перебиты. Это консул Люций Геллий подослал к нам лазутчиков, которые известили его, что мы стали отдельным лагерем. И Эльпидор, пришедший из Рима, тоже был подлым лазутчиком. Он перебежал обратно к римлянам. В то время как мы беззаботно пировали и устроили веселые пляски, римляне внезапно окружили нас громадным войском и стремительно напали, когда мы не подозревали их близости. Мы отчаянно защищались, но оружие римлян было лучше нашего и...

— А где Крикс? — прервал речь Спартак.

— Крикс дрался, как лев. Он перебил множество врагов, но был изрублен мечами... — И воины стали кричать и в отчаяний рвать на себе одежду.

3. Удар Спартана

Спартак схватил ближайшего галла за плечи и стал трясти, повторяя:

— Воину неприлично квакать, подобно лягушке на бодоте. Замолчи, иначе я всех вас выгоню бичами из лагеря.

Его голос был грозен, и кричавшие замолкли.

— Сядьте! Сейчас наши лекаря вам помогут, а вы отвечайте мне на вопросы и очень кратко, так как времени нет, даже чтобы испечь в золе одно яйцо. Где был бой? Сколько было вражеских воинов? Что они делали, когда вы бежали оттуда? Остались там же или пошли прочь с поля битвы?

Воины, перебивая друг друга, отвечали на вопросы Спартака рассказывая, как произошло избиение.

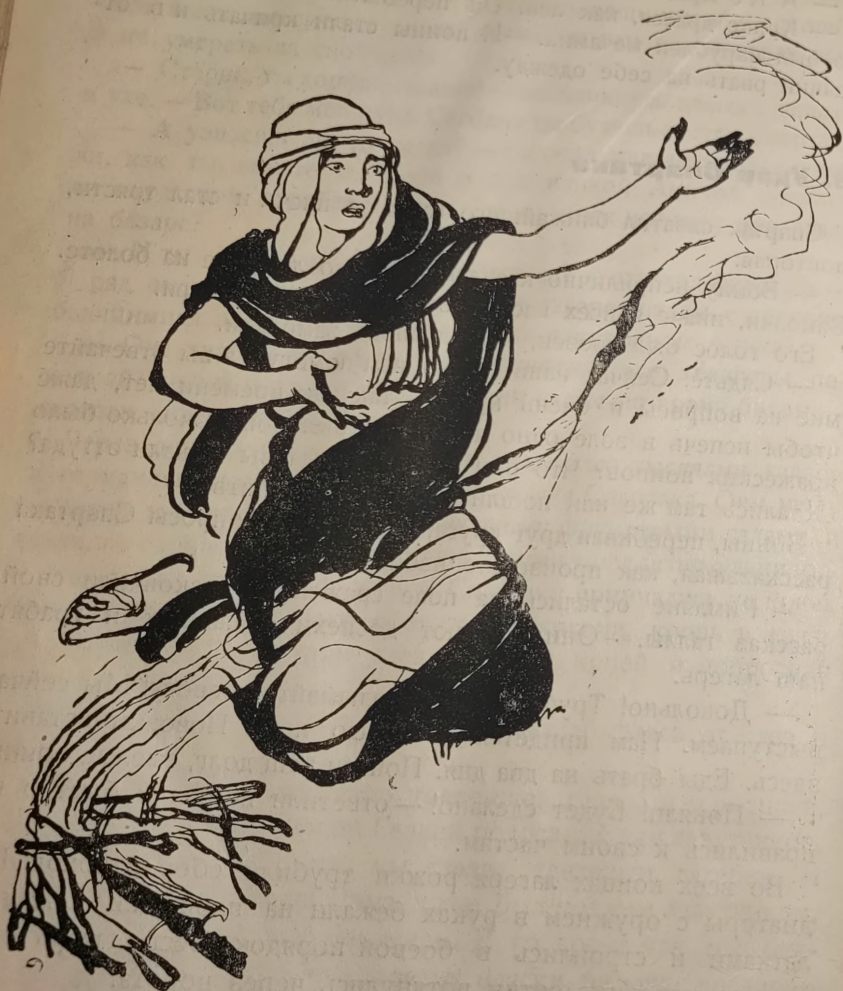
— Римляне остались на поле сражения, — закончили свой рассказ галлы. — Они сдирают доспехи с павших и грабят наш лагерь.

— Довольно! Трубите сбор, подымайте тревогу! Мы сейчас выступаем. Нам придется идти всю ночь. Повозки оставить здесь. Еды брать на два дня. Поняли ваш долг, смелые воины?

— Поняли! Будет сделано! — ответили воины и быстро направились к своим частям.

Во всех концах лагеря рожки трубили сбор в поход. Гладии с оружием в руках бежали на площадки между палатками и строились в боевой порядок. Весь лагерь ожил. Вскоре передние сотни потянулись через ворота.

Спартак на вороном коне проехал мимо костра, возле которого сидела на коленях фракиянка в красной одежде. Ее черные глаза глядели тревожно.

Возле костра сидела на коленях фракиянка в красной одежде...

— Прощай, Амика! — сказал Спартак. — Или победа, или снова цепи!

Гета, закутавшись в плащ, дремал, греясь в последних вспышках потухавшего костра. Среди ночи фракиянка его разбудила.

— Вставай, Гета! Едем догонять наших бойцов. Может быть, они погибают, и мы погибнем вместе. Но, может быть, мы сумеем воинам, истекающим кровью, перевязать раны и дать глоток воды.

Они отвязали коней, прихватили сумки с едой и чистыми тряпками. Лагерь был почти пуст. Кое-где около костра сидели раненые и больные.

Часовой узнал Амику и пропустил, махнув рукой:

— Вернись с хорошими вестями!

Дорога вилась между холмами. В сумерках ночи раза два пришлось проезжать через брошенные жителями селения — бедные хижины с тростниковыми крышами. Вой голодных собак провожал всадников. На рассвете встретилась группа жителей. С корзинами на плечах они торопливо погоняли быков и ослов, навьюченных бедным скарбом.

— Там, там много воинов! — кричали они, указывая на север. — Там идет страшный бой. Не надо ехать туда — вас убьют...

— Но там бьются смелые бедняки, чтобы улучшить жизнь и вашу и всех угнетенных, — говорила Амика. — Пойдем вместе помочь им.

Юноши остановились, как будто готовые повернуть обратно, а старики завопили:

— Ты говоришь безумные слова. Не слушайте ее! Нам суждено терпеть и страдать. Можем ли мы сломить могучую власть аристократов?

— И вы навсегда останетесь рабами господ?..

— Сами боги хотят этого. — И старики пошли дальше.

Утром одно селение пришлось объезжать — дорога была

завалена бревнами и камнями. За ними прятались жители, вооруженные колями, косами и топорами. Они никого не подпускали и встретили путников градом камней.

К вечеру вдаль, на дороге, показались первые группы римских легионеров. Один ехал на коне, и набухшие красной кровью повязки говорили о его тяжелых ранах. По сторонам шли воины и поддерживали раненых. Боясь, что легионеры отнимут коней, Амика и Гета, свернув с дороги, поскакали прямо полями, по несжатой, осыпавшейся пшенице. Группы римских воинов попадались все чаще; воины падали от ран и усталости.

— Римляне бегут, победа, на нашей стороне, — сказал Гета.

4. Новый поход

В сумерках впереди, на равнине, где посевы были вытоптаны тысячами прошедших воинов, засверкали бесчисленные огни. Кони шарахнулись в сторону — поперек тропинки лежали тела убитых.

Амика и Гета с трудом нашли Спартака. Он стоял, прямой и неподвижный, перед большим костром. Целые деревья были навалены одно на другое. Пламя охватывало тела, положенные поверху костра. Спартак шептал:

— Вот все, что осталось от веселого храброго Крикса и его смелых товарищей!

Около костра собралось несколько десятков оставшихся в живых галлов и германцев. Держа над головой меча, они затянули хором боевую песнь, мрачную, как стон осеннего ветра, и двинулись цепью вокруг костра. Ударяя мечами по щитам, они долго пели, вспоминая храбрость Крикса и других павших товарищей, затем сошлись тесным кольцом, скрестив мечи.

— Гранник, сюда! Гранник будет нашим вождем! — кричали они.

Молодой, покрытый повязками воин вошел в середину,

Он стоял, прямой и неподвижный, перед большим костром...

встал на скрещенные лезвия, и воины его подняли на мечях, как на щите, избрав вождем на место павшего Крикса.

Военные рожки тревожно прозвучали, снова сзывая всех воинов в поход. Они подходили, многие уже одетые в римское вооружение, снятое с убитых. Все строились в отряды и ждали приказаний.

Спартак долго еще стоял перед костром с телом Крикса, и ветер окутывал его дымом и осыпал искрами.

Спартак наконец очнулся и вскочил на подведенного ему коня. Он въехал на холм. Вокруг стояли потерявшиеся в сумерках ряды усталых, запыленных гладиаторов и добровольцев, примкнувших к восставшим.

— Храбрые друзья! — обратился Спартак к войску. — Вы сегодня совершили великий подвиг. Вы не только отомстили за убитых наших товарищей, но и уничтожили войско богачей, работорговцев, которые уже собирались снова заковать нас в цепи. Однако, если мы сейчас начнем праздновать победу и беспечно пойдем отдыхать в тенистых виллах, мы так же погибнем без всякой пользы для нашего дела, как погибли здесь неосторожные галлы. Слушайте внимательно, доблестные воины. На нас надвигается второе войско, под начальством другого консула. Они ищут нас, и они близко.

— Слушайте, слушайте! — загудели ряды гладиаторов.

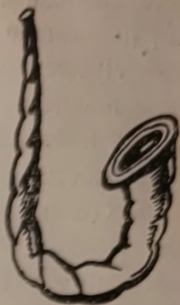
— Поэтому, — продолжал Спартак, — у нас один выход: мы должны внезапно напасть на это войско и его уничтожить. Я знаю, вы очень устали, но вспомните о вашей далекой родине, о ваших хижинах, где вас ждут ваши семьи и дети. Мы сможем снова почувствовать сладкий дым наших хижин, если будем свободны. А свободу мы добудем своим мечом. Поэтому мы сейчас же выступаем дальше, в новый поход, для встречи с врагом. На конце вашего меча свобода или новые цепи!

Громкий крик вырвался из десятков тысяч грудей.

— Свобода! Свобода! Вперед, бойцы! Веди нас, Спартак, к победе!

Рожки протрубили выступление, и бесконечной вереницей ряды гладиаторов двинулись вперед.

Армия рабов сделала неслыханный по быстроте переход и напала на второе войско, высланное Римом под начальством другого консула. Гладиаторы отчаянно бились и бросались на копья легионеров, точно искали смерти. Перед их натиском не устояли пять легионов, несмотря на отличное вооружение и подготовку. Они были смяты, опрокинуты и, побросав свои обозы, обратились в бегство. Наемники римских купцов, банкиров и землевладельцев не могли устоять против тех, кто бился за свою жизнь и волю.

Военный рожок.

5. Начало несчастий

После двух решительных побед все дороги Италии были открыты перед армией гладиаторов, и не было больше силы, которая могла бы задержать ее.

Почему же так сумрачен Спартак? Почему он так суров с приходящими отовсюду толпами людей, желающих присоединиться к войску гладиаторов?

— Для чего вы пришли сюда? — говорил он старикам-рабам. — Нам нужны воины, лекаря, кузнецы и медники, полезные для нашего дела, а не бесполезные едоки. Почему вы шли в армию борцов, а не позаботились захватить с собой меч, копье или просто нож? Вы пришли помочь нам, или же вы хотите, чтобы мы вас кормили и содержали? Мы с трудом можем прокормить наших раненых воинов, искалеченных в боях. Их мы возим с собой в повозках, и они затрудняют нам быстроту переходов.

— Но мы хотим освободиться от цепей! — стонали старики.

— Ждите, пока мы разобьем угнетателей, тогда и вы ста-

нете свободны. Теперь же вы будете связывать нам руки, и мы, поднявшие меч для борьбы, бесцельно погибнем.

— Лучше мы умрем здесь, на свободе, — отвечали старики, — но мы не вернемся к цепям. — И они оставались около лагеря, побирались крохами, но не хотели вернуться к прежнему рабству.

На совещаниях вождей стали возникать споры и несогласия. Пока всех соединяла общая опасность, все беспрекословно подчинялись Спартаку. Его стремительные нападения, его умение разгадать и расстроить планы противника приносили победу за победой. Но когда опасность как будто миновала, когда армия гладиаторов овладела половиной Италии, многие из вождей начали осуждать действия Спартака и грозили образовать особые самостоятельные армии. Тогда Спартак твердо заявил:

— Мы теперь должны уйти из Италии. Пойдем на север, переберемся через Альпийские горы и вернемся к себе на родину.

— Рано уходить, — отвечали другие вожди. — Теперь Италия в наших руках. Мы можем здесь провести еще год, захватить самые крупные города и, собрав большие богатства, вернуться с ними к себе на родину.

В этих спорах горячо выступал старый философ Аристомен:

— Безумцы, как вы можете не послушаться мудрого плана Спартака? Вспомните, чем вы были год назад? Разве вы могли тогда мечтать о возвращении на родину? Вам грозил один конец — позорная смерть от руки своего же брата, гладиатора, на арене цирка. Теперь, когда все пути открыты, зачем вы медлите? Тучи опять собираются над нашими головами. Главные римские военные силы пока далеко, за пределами страны, в Испании и Фракии, но они могут вернуться в Италию, и вам тогда не увидеть родных селений.

— Если римские войска вернутся, мы их так же расколотим, как колотили до сих пор, — самоуверенно смеялись гладиаторы.

Стены древнего Рима.

— О, неразумные щенки! — сердился Аристомен. — Вы должны поступать так, чтобы все страдающие, все угнетенные аристократами пришли к нам и поддержали нашу борьбу. Зачем же некоторые пытаются опозорить свои руки грабежом мирных селений? Зачем же вы отталкиваете тех, которые могли бы стать нашими друзьями? Зачем вы, бывшие рабы, сами готовы обратить в рабов свободных граждан? Зачем вы завели себе столько повозок, нагруженных награбленной добычей?

Однажды среди спора Спартак встал и поднял руку. Все затихли.

— О, беспечные безумцы! Я вас еще раз зову уйти из Италии, пока не поздно. Если вы не хотите, я уйду один. Я не имею никакого имущества. Мой плащ, мой меч и шкура для спанья — вот все, что я возьму с собой.

— Я пойду с тобой, — сказал философ Аристомен.

— И я! — воскликнул мальчик Гета.

— Нет, ты нас не покинешь! — закричали вожди и стоявшие кругом воины. — Ты первый поднял восстание, ты создал великую, непобедимую армию. Мы отняли у римских

воинов их мечи и оружие и теперь не боимся никого. Веди нас к новым победам!

Спартак молчал и ждал, пока затихли крики.

— Смерть нам грозит всегда. Я готов драться и умереть вместе с вами. Но ходить с вами грабить города, как простой разбойник, я не стану. Чем выше будет наша цель, тем дальше будет наш славный путь. Почему нам не пойти прямо на Рим — гнездо богачей, тиранов, денежных менял, пьющих кровь всего мира? Если мы сломим его силу и освободим бесчисленных рабов, все угнетенные народы сбросят римское иго и начнут новую жизнь.

— Останься с нами! — кричали вожди. — Мы пойдем с тобой всюду!

Совещание вождей продолжалось долго и бурно. Вопреки уговариваниям Спартака большинство заявило, что на Рим идти еще рано, — нужно подождать и передохнуть. Уходить из Италии они тоже не хотят. Спартаку было предложено отвести войско в южные плодородные провинции для временной стоянки.

Армия гладиаторов двинулась на юг и прошла мимо стен трепетавшего от ужаса «вечного города», не тронув его.

6. Сено на рогах

Когда в Риме получены были первые известия о разгроме гладиаторами армий обоих консулов, в столице поднялась паника. Прибегавшие из провинций перепуганные патриции распространяли невероятные басни об ужасах, творимых восставшими рабами. Они осаждали знатных сановников, умоляя спасти их жизнь и имущество:

— Наши поместья горят, рабы побросали работу и бегут к Спартаку. Этот беспорядок необходимо прекратить. Надо жестоко наказать всех рабов, которые дерзко поднимают голову и уже перестают нас слушаться.

Властители Рима волновались, приходя в ужас от мысли, что будет, если Спартак подойдет к воротам «вечного города».

— Тогда рабы всех нас перережут, — шептали римляне друг другу. — Ведь рабов в Риме в четыре раза больше, чем свободных граждан!

Воюющая толпа патрициев, бежавших из своих имений, явилась в сенат, который без конца заседал и не мог найти выхода из тяжелого положения.

Сенаторы вышли навстречу просителям и старались их успокоить обещаниями «принять нужные меры».

Один сенатор объяснял:

— Мы не можем выбрать подходящего полководца. Мы назначали нескольких, но все отказываются. А лучшие полководцы с нашими отборными войсками находятся далеко, в других странах.

Нетерпеливые стали выкрикивать:

— К чему говорить о людях, которых нет, или о тех, кто в минуту опасности боится выступить против презренных рабов? Надо послать «быка с сеном на рогах», такого, которого свои воины боялись бы больше, чем врага.

— Верно! Послать «быка с сеном на рогах», послать Красса!

У римлян был обычай: злому, бодливому быку рога обматывать сеном, чтобы встречные издали это видели и остерегались. Такова была кличка у знаменитого землевладельца богача Красса, человека злобного и мстительного, которого надо было остерегаться и от которого можно было ожидать больших неприятностей. Красс искал славы, и многие из кричавших были им подкуплены.

— Сделать начальником войск Красса! Послать Красса! — стали раздаваться крики. — Мы знаем Красса. У кого больше всего земли и рабов, как не у него? У кого больше всего жгут домов и складов хлеба? Он больше всех страдает от рабов и особенно их ненавидит.

Сенаторы согласились и решили послать воевать со Спартаком самого крупного помещика, богача, домовладельца, рос-

товщика и купца-спекулянта Красса. А в помощь ему дали лучших командиров, знатоков военного дела.

Красс, коренастый, лысый, с жирным затылком и угрюмым лицом, принял это предложение спокойно, но выставил свои условия:

— Я согласен взяться за борьбу с разбойниками, если мое участие полезно республике. Но я требую, чтобы все воинские силы республики были вручены мне, под мое начальство, чтобы я имел право без суда карать и миловать всякого, чтобы мне были даны все средства, которые я потребую и чтобы я мог призвать для войны граждан всех возрастов, — тогда я поймаю бешеного фракийца и его бунтовщиков.

Сенат заседал всю ночь и согласился на все требования Красса, объявив его «императором»¹.

Красс устроил бесплатное угощение для римлян, выставив на улицах двадцать тысяч столов с едой. Каждому дал еще пшена для питания на три месяца. Он обещал особое вознаграждение всем старым, опытным воинам. Римская богатая молодежь была призвана «спасти республику» и образовала особые, прекрасно вооруженные кавалерийские отряды.

Для начала Красс собрал десять легионов, частью из вновь призванных, частью из числа войск, разбитых раньше Спартаксом.

Окружив себя опытными военачальниками, Красс принял особые меры для своей безопасности.

— Для того чтобы предохранить себя от покушения какого-нибудь раба, — объяснял он своим близким друзьям, — я нанял двух римлян, совершенно похожих на меня. Они одеты так же, как я, в красные плащи императора. Они будут объезжать войска, проверять посты, ободрять уставших воинов и даже, если нужно, участвовать в сражении. Я же буду в скрытом месте руководить всем.

¹ Слово «император» в то время означало «главнокомандующий», «высший полководец».

7. Фракийский лев

Рабы, пробравшиеся из Рима к Спартаку, донесли ему, что против него выступила стотысячная армия Красса. В ней шестьдесят тысяч обученных легионеров и сорок тысяч «союзных» войск¹.

— У них прекрасное вооружение, — говорили прибывшие.

— Тем лучше, — заметил Спартак, — у нас оружия мало.

— У них большие обозы с продовольствием.

— Тоже нам понадобятся.

— У них несколько тысяч конницы.

— Да и коней у нас мало, — отвечал Спартак. — Мы, фракийцы, как скифы, привыкли воевать на коне. Нам трудно ходить пешком. Но мы у них отберем и коней.

Войска Спартака в это время стояли в плодородной провинции. У него было ядро отлично обученного войска, безусловно ему послушного, — тридцать тысяч фракийцев, греков и сирийцев. Затем было еще около сорока тысяч воинов других племен: галлов, кельтов, германцев, армян, иберов, сирийцев и т. д. Они имели своих вождей, часто отделялись от главного ядра, уходили бродить по Италии, захватывали и грабили города, жгли поместья и привозили в лагерь награбленные вещи.

Когда дошел слух о движении войска Красса, все вожди пришли к Спартаку на совещание.

— Веди нас на Рим! — потребовали они.

Спартак молча слушал и по привычке чистил свой меч. Как и раньше, сидел он на звериной шкуре перед костром, и конская попона свешивалась над ним на кольях, защищая от ветра. Возле него сидел мальчик-фракиец и держал в руках кожаную круглую коробку для рукописей.

Спартак встал, достал из коробки один свиток и обратился к сидевшим вокруг костра вождям:

¹ Так назывались легко-вооруженные войска из призванных под знамена граждан перимского происхождения.

— Вы теперь требуете, чтобы я повел вас на Рим. А вот что пишет нам мой друг, философ Аристомен, которого вы все здесь видели. Помните как вместе с ним полгода назад я убеждал вас идти на Рим? Теперь Аристомен пробрался в Рим, под видом нищего бродит по площадям и слушает речи римлян. Он слышал обращение Красса к воинам, и вот что говорил наш главный противник: «Меня зовут «быком с сеном на рогах». Но я бык не только злобный, но и упрямый. Я буду долго преследовать Спартака и наконец сумею припереть рогами к стене этого фракийского разбойника. Когда я соберу достаточно войска и буду в два раза сильнее Спартака, я его раздавлю моими легионами, как стадо диких быков топчет в камышах могучего льва».

— Лев сумеет задрать быка, — заметил один из вождей.

— Вот видите, друзья, — продолжал Спартак, — нам нужно быть готовыми к большому и решительному бою. Мы должны стать подвижными, как львы, уметь быстро уходить от врага, если нам невыгодно с ним драться, а если представится возможность его победить, стремительно на него напасть. Но похожи ли на львов наши отряды? Вы нагроулили свои шатры мебелью, дорогими вазами, коврами и даже статуями! Воины ли вы, или торговцы старыми вещами? Поэтому объявляю: я выступлю в поход завтра же на рассвете. Я беру с собой повозки и вьючных животных, но на них будут только запасы еды и тяжело раненные. Весь драгоценный хлам, который вы набрали, будет сожжен сегодня же. А кто хочет сохранить награбленное, пусть остается и ждет римлян. Вы знаете, что Красс любит скупать за бесценок чужое имущество. Может быть, он и у вас купит этот старый хлам вместе с вами, чтобы посадить вас всех на кол. А я уйду без вас.

— Сжечь все наше имущество! — раздались дружные крики. — Долой торгашей и старьевщиков. Идем с тобой, Спартак!

Во всех концах лагеря запылали высокие огни — горело добро, привезенное беспечными воинами из разграбленных поместий.

На рассвете войско Спартака покинуло лагерь. Быстрыми переходами, каждый раз меняя направление, сбивая с толку конных разведчиков Красса, спартаковцы шли вперед, а за ними следом двигалась стотысячная армия римлян.

8. Смерть по жребию

Красс издал приказ, чтобы его отряды следили за войском Спартака, но сами избегали до поры до времени боя с гладиаторами, ожидая его указаний. Передовым отрядом у Красса командовал молодой Моммий. Он наткнулся со своим отрядом на отдохавшую у подножия горы часть войска гладиаторов. У них дымили костры, в глиняных и бронзовых котлах они варили себе пищу.

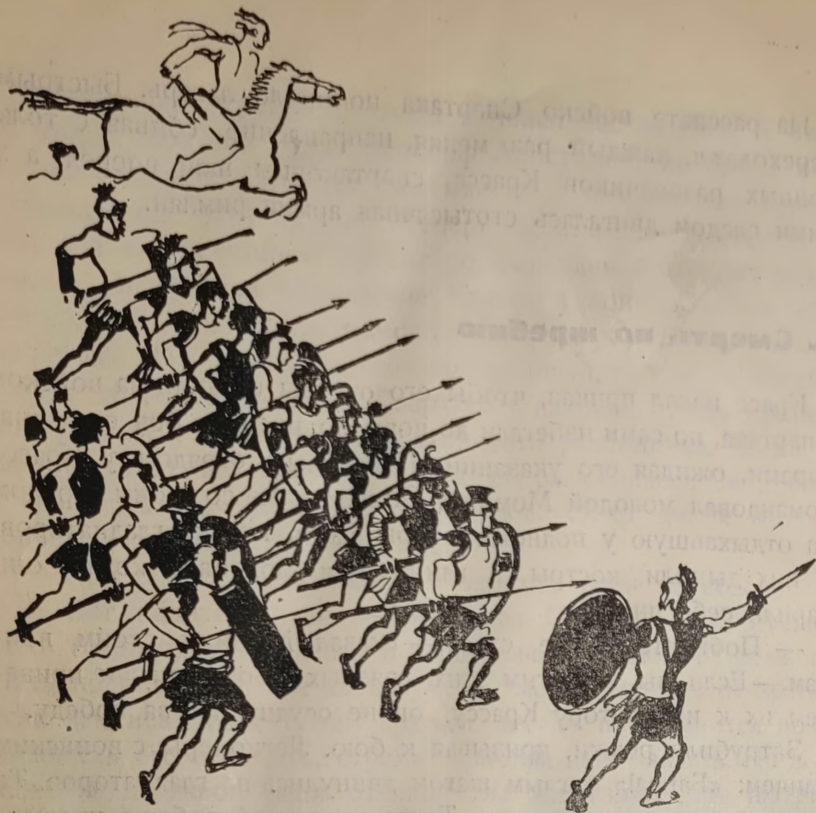
— Победителей не судят, — сказал Моммий своим войнам. — Если мы захватим этих грязных оборванцев и приведем их к императору Крассу, он не осудит нас за победу.

Затрубили рожки, призывая к бою. Легионеры с воинским кличем: «Барра!» беглым шагом двинулись на гладиаторов. Те близко подпустили римлян. Тогда загудели барабаны, увешанные погремушками, и с могучим криком: «Улала!» отряд рабов стремительно бросился навстречу. Это были воинственные армяне, фракийцы и сирийцы. Яростно врезались они в ряды римлян, а из-за холма вылетела фракийская конница, скрывавшаяся в засаде, и отрезала легионерам отступление.

Римские воины смешались, повернули обратно и побежали враспынную. Небольшая часть отряда добралась до лагеря Красса.

Тогда Красс решил показать, что у него действительно «сено на рогах», и объявил немедленно «десятисмертие» — древний обычай, уже более ста лет не применявшийся в Италии.

Войско было построено квадратом вокруг площадки, где стоял каменный жертвенник. На нем пылал огонь, и жрецы

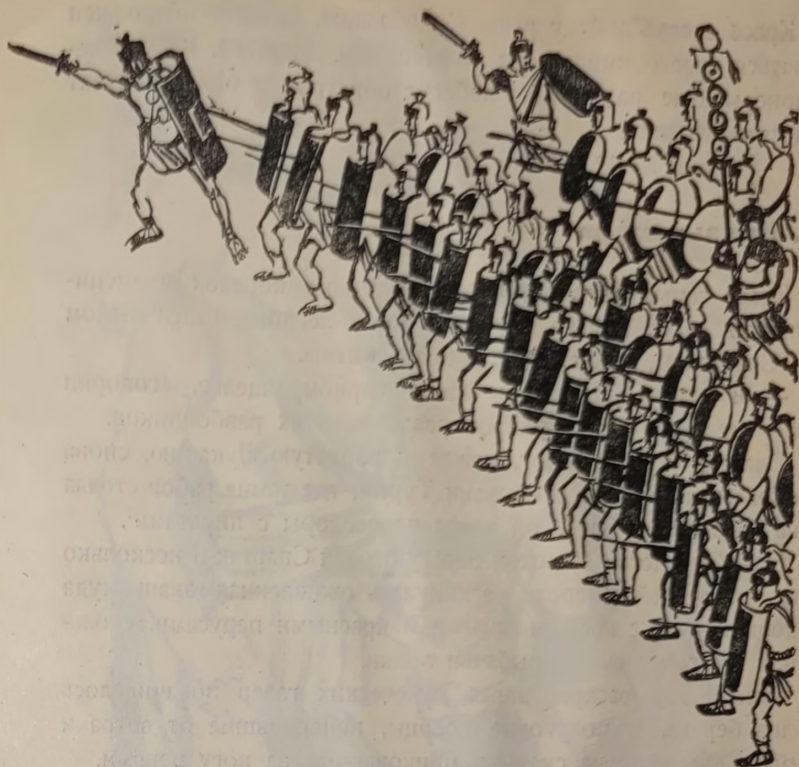

Затрубили рожки, призывая к бою.

в темных одеждах пели и приплясывали, выкрикивая старинные причитания.

Пятьсот человек из передового отряда Моммия, которые первые повернули и бежали от врага, были разделены на де-

сятки. Каждые десять легионеров по очереди подходили к жертвеннику. Жрецы держали вазу с водой. В ней лежалс десять камешков: девять белых и один черный. Каждый легионер вынимал камешек, отдавал жрецам и уходил прочь. Кто вынимал белый камешек, тот шел направо, а у кого оказывался черный, тот поворачивал влево. Там стояли люди, закутанные с головой в плащи, и большими камнями убивали подходившего легионера.

Таким образом на глазах всего войска было перебито пятьдесят воинов, бежавших с поля битвы, и тела их запрещено было хоронить,

Красс сказал войску речь. Он объявил, что всякий должен бояться своего императора больше, чем Спартака, и если легионеры еще раз в бою побегут обратно, то опять получают «десяти смертные».

9. Князя моря

Красс самыми суровыми мерами усилил порядок и дисциплину в своей армии, вербовал новые легионы и шел следом за Спартаком, попрежнему избегая битвы.

— Я зажму Спартака в таком горном ущелье, — говорил он, — где сразу одним ударом раздавлю этих разбойников.

Спартак уходил на юг, вошел в гористую Луканию, снова добрался до моря и до гавани Турии, где армия рабов стояла два года назад. Здесь он повел переговоры с пиратами¹.

На обрывистом морском берегу стояли Спартак и несколько его товарищей. Впереди раскинулась оживленная гавань, куда входили суда с косыми белыми и красными парусами, скользили многочисленные рыбацьи лодки.

Множество раскрашенных купеческих галер покачивалось близ берега, и полуголые гребцы, почерневшие от ветра и солнца, дремали на скамьях, прикованные за ногу цепями.

Море было беспокойно. Осенний ветер кудрявил белыми барашками зеленые волны. Одинокая финикийская пальма покачивала своей зонтичной взлохмаченной верхушкой. Вершины Луканских гор были уже покрыты снегом — зима была блико.

Несколько моряков в пестрых длинных одеждах, войлочных красных колпаках, с ножами в деревянных ножнах за поясом подошли к Спартаку и заговорили грубыми голосами, коверкая латинскую речь:

— Мы явились по твоему зову. Прими эти дары моря.

¹ Во то время морские купцы были в большинстве случаев пиратами.

Впереди раскинулась оживленная гавань...

Они поставили перед Спартакoм ивовую корзину, наполненную морскими улитками, устрицами и большими темными крабами. Спартак спросил:

— Сколько людей могли бы вы перевезти на ваших судах?

— Смотра по тому, кого мы везем,— рабов-то мы набираем, как рыбу, в трюмы, где они не могут ни встать, ни двинуться, пока не приедут на место, а свободных граждан в трюм не загонишь.

— Сколько у вас судов?

— Сколько судов? Мы — князья моря¹. Ездим туда, где нам выгоднее. Если будет хорошая плата, сюда слетятся тысячи судов.

— Плaтoй не обидим, только сумеите сдержать слово и доставить в срок.

— Куда ехать?

— На остров Сицилию.

— Сейчас море бурное. Лучше вам пройти дальше, до Мессинского пролива, отделяющего Италию от Сицилии. Там переезд будет легче. А отсюда в бурную погоду везти и труднее и дальше. Но только деньги надо уплатить вперед, сейчас.

Спартак дал морякам много золота и договорился, что сейчас они заберут две тысячи тяжело раненых и перевезут их в Сицилию. Затем моряки будут ждать в Мессинском проливе с большим числом судов и переправят на остров все остальное войско гладиаторов. В Сицилии за несколько лет перед этим произошло восстание рабов. Рим жестокими мерами усмирил их, и поэтому армия гладиаторов могла рассчитывать на поддержку бунтовавших сицилийцев.

В этот же день сорок судов отплыли из гавани и направились вдоль берега на запад.

¹ Так называли себя пираты.

10. Опять западня

Когда последнее судно стояло у пристани, готовое к отплытию, «князя моря» попросили Спартака посетить корабль, чтобы навестить уезжавших тяжело раненных рабов.

Спартак вззошел на корабль вместе с мальчиком Гетой.

— Спустись по этой лестнице вниз, в трюм. Там твои друзья,— сказал с низкими поклонами кормчий корабля.

Спартак остановился. Ему показались неприятными те странные усмешки, которые скользнули по лицам моряков, когда кормчий произносил это приглашение. Он заметил также, что Гета, стоявший рядом с ним, с ужасом всматривался в окошечко будки кормчего. В оконце за занавеской мелькнуло злобное старушечье лицо. «Здесь западня», подумал Спартак и быстро оглянулся. К нему подкрадывалось несколько пиратов, мечи блеснули в их руках. В это же время по команде кормчего корабль оттолкнулся от пристани, гребцы ударили по воде длинными веслами, и кверху со скрипом поднялся косой красный парус. Спартак подхватил Гету и вместе с ним бросился через борт в воду.

Яростные крики понеслись с корабля и повторились громким эхом на берегу, где стояла большая толпа провожавших.

— Спартак с нами!— кричали на берегу.— Он не покинул нас. Нам твердили, что он на корабле уедет на родину.

— Смерть Спартаку!— кричали на корабле, и больше всех визжал и бесновался толстяк со старушечьим лицом.

— Видите, на корабле казначей Красса! Он подкупил убийц, чтобы зарезать Спартака!

Несколько стрел, пущенных с корабля, плеснули по воде, но Спартак и Гета доплыли до берега и при радостных криках толпы поднялись на пристань.

Наполненный ветром парус все дальше уносил корабль пиратов, которые, подкупленные Крассом, неудачно пытались увести вождя бесстрашной армии рабов.

Войско гладиаторов двинулось береговой дорогой. По

склонам гор тянулись фиговые, яблочные, миндальные и виноградные сады. Повсюду попадались кусты со спелыми гратанами. Все располагало к мирной, счастливой жизни. Но утомленные воины не думали об отдыхе.

Спартак ехал на вороном жеребце. Рядом с ним шагал высокий худой философ Аристомен.

— Нужно торопиться переехать в Сицилию,— говорил Аристомен.— Разве римляне допустят, чтобы взбунтовавшиеся рабы ускользнули без наказания из их жестоких рук? Красс приложит все усилия, чтобы помешать переправе.

Войско рабов шло до пролива три дня и на четвертый прибыло в условленное место, в городок Региум. Там уже должны были их ждать пиратские суда. Берега Сицилии ясно вырисовывались за синим проливом; при попутном ветре до них можно было добраться в несколько часов. Но ни одного паруса не показывалось на море и ни одного судна в гавани не оказалось. Моряки обманули.

— Красс не пожалел золота, чтобы подкупить пиратов,— сказал Аристомен,— эти грабители конечно сюда не явятся.

— Нам нужно идти обратно и мечом проложить себе дорогу,— говорили рабы.

Но путь обратно оказался отрезанным: с необыкновенной быстротой и напряжением сил вся армия Красса в несколько дней выкопала глубокий ров с высоким валом, перерезав от берега до берега весь Брутский полуостров.

Красс ликовал и за эту работу выдал большие награды своим воинам.

— Теперь лев в мешке, и в крепком мешке!— говорил он.— Я его прижал к морскому берегу, и он теперь начнет подыхать.

Действительно, съестные припасы у гладиаторов были на исходе, и каждому воину стали выдавать только четвертую часть обычной порции. Скорая гибель, казалось, была неизбежна.

II. Зимней ночью

Бурный ветер со снегом и дождем проносился над Брутским полуостровом. Все жители городка Региума и окрестных селений попрятались в свои хижины. А в лагере Спартак было шумное веселье. Уже вторую ночь Спартак громко ободрял воинов, обходя ряды кожаных палаток.

— Ешьте, пейте и веселитесь! Не жалейте ничего. Отпразднуем последние дни перед славной смертью. Мы не сдадимся надменным римлянам, а сами в последнюю минуту заколем себя, чтобы умереть свободными.

У Красса были лазутчики среди рабов. Они перебежали к нему и рассказали о странных речах и веселье Спартак.

— Тем лучше, спасенья им нет! — говорил Красс.

Возле пылающих костров свистели флейты, зазывали дудки, а фракийцы, обхватив друг друга за пояса, длинной извивающейся цепью плясали, подвигаясь то вправо, то влево. Все вожди вместе со Спартаком, по древнему обычаю, плясали боевую пляску рядом с простыми воинами и пели старинные военные песни.

Гладиаторы хором пели песню, сложенную в походе ¹:

Арена,
 арена,
 арена!
Лошадей и рабов храп —
Это Риму нужна игра.
Арена,
 арена.
 арена!
На арене мы —
 брат и брат.
Ударяется
 меч в меч!
В сердце брата, брат,
 метче меть!

¹ Стихотворение написано Александром Шалиро.

Рукоплещут,
Как будто град,
на арене
Валяется брат.
Гладиаторы!
к брату брат!
Подымается
синий меч,
Подымается
сильный раб.
Всем сенаторам
головы с плеч!
Рим,
ты много рабов набрал.
Дожидайся ж
теперь добра!
Арена,
арена,
арена!
Для кровавых игр
и драк
Восстает твой мятежный раб.
Император,
иди на арену!

Нумидийцы плясали, размахивая мечами, делая громадные прыжки, греки выходили парами и прыгали с мечами и круглыми щитами, искусно рассекая воздух вокруг головы и ударяя меч в меч.

Костры догорали, ветер с визгом раздувал огонь, подхватывал искры и крутил дым по земле. Снег валил все гуще, большими хлопьями засыпая шумный лагерь рабов.

В темноте бесшумно двигалась первая часть войска гладиаторов к заранее намеченному месту римских окопов. Каждый нес бревно, охапку хвороста или землю на щите. Быстро забросали ров и сложили мост, пригодный для повозок.

Часть гладиаторов еще шумела у костров, свистели флейты и гудели пустые сосуды, обтянутые кожей, а половина армии уже перешла через ров. Фракийские всадники пронесли на ближайших холмы на большой дороге и зажгли там костры

Все вожди вместе со Спартаком плясали боевую пляску рядом с простыми воинами...

указывая всем гладиаторам место, куда двинуться среди темной ночи.

В лагере римлян произошел невероятный переполох, загремели трубы, подымая спавших легионеров. Войска строились в темноте, сталкивались друг с другом. Пылающие факелы, раздуваемые ветром, двигались со всех сторон.

Несмотря на кровавые схватки отдельных отрядов, римляне не в силах были задержать армию гладиаторов, и к утру Спартак со своим войском был далеко, в пустынных ущельях Луканских гор.

12. Веди нас на Рим!

Горной каменистой дорогой тянулись вереницы гладиаторов. Угрюмо подымались по сторонам скалы, заросшие низкорослыми соснами. Оборванные, обросшие бородами, с мечами, кольями и топорами в руках, воины шли тяжелым шагом; сквозь грязные повязки проступала кровь. Они шли, не зная, куда теперь ведет их путь и придется ли дожить до ночи, но одна мысль связывала их всех — не покориться врагу.

Иногда веселая песня вспыхивала в рядах воинов, тогда выпрямлялась грудь, легче ступали ноги и слышались ободряющие шутки.

Спартак на вороном жеребце, окруженный несколькими всадниками, то показывался впереди, среди конных разведчиков, то ободрял отстававших в последних рядах.

— Не отставайте, — настаивал он, — римские собаки уже нам кусают пятки.

Луканские пастухи, завернутые в козьи шкуры, спускались с гор и приносили воинам ягнят, мед диких пчел и свежий сыр. Спартак расспрашивал пастухов об удобных дорогах и перевалах через горы и быстро вел армию вперед, все время меняя направление, — сбивая с толку шедшую по его следам римскую армию.

Около горного озера часть войск, состоявшая главным образом из галлов и германцев, соблазнилась красивым местом и зеленым лугом, где паслось большое стадо коров и овец. Вопреки запрещению Спартака эта часть войска решила сделать здесь остановку. Все другие отряды гладиаторов ушли вперед через крутые горные перевалы.

Снова Спартак получил страшное известие, что армия Красса напала на отдыхающих галлов и в беспощадной битве вырезала всех. Спартак опять переменял направление и повернул на юг, уходя от преследовавших его легионов.

Красс продолжал настойчиво идти по пятам Спартака. Его армия разделилась на два крыла. Как клещами, стремился Красс захватить неуловимых спартаковцев.

Спартак умышленно делал вид, что его армия спешно отступает. Он бросил на дороге вьючных животных и повозки. Когда римляне в погоне за отставшими растянулись по дорогам, радуясь, что гладиаторы теряют последние силы, Спартак быстро повернул свое войско и внезапно напал на одну половину армии Красса. Это нападение привело римлян в такой ужас, что они обратились в повальное бегство и едва успели увести из боя раненого начальника.

Уверенные, что никто больше не может устоять против них, гладиаторы собрались вокруг Спартака и, грозя оружием, потребовали, чтобы он повел их на Рим.

— В войне нельзя делать ошибок, — сказал Спартак. — Я вас звал идти на Рим, когда у него не было армии. Вы упустили время. Теперь мы должны действовать более осторожно и прежде всего разделаться с Крассом. Надо ждать удобного случая.

— Мы ничего не боимся! Кто может победить нас? Мы устали воевать и хотим последним ударом покончить с ненавистным Римом. Мы хотим отдохнуть в его дворцах. Веди нас на Рим!

13. Последняя битва

Наконец произошла последняя встреча войска гладиаторов с легионами Красса. Наступил вечер. Римляне приблизились к стоянке гладиаторов и на их глазах стали строить лагерь по военным правилам, окапываясь валом и глубоким рвом.

Спартаковцы, увидев римлян, начали беспорядочно выбегать им навстречу, прыгали в ров и нападали на тех, кто там работал. С обеих сторон воины и рабы бросились на помощь своим, и схватка разгоралась все сильнее.

Спартак был в отчаянии: «Где же фронт? Где послушание и порядок? Наверное, Красс приготовил нам здесь ловушку!»

Когда большая часть армии рабов выбежала на помощь дравшимся, из-за холмов показались свежие стройные отряды римских легионеров. Они ожидали в засаде и в решительный момент сомкнутыми рядами, плечо к плечу, двинулись на беспорядочно бившихся гладиаторов. Подвезенные римлянами баллисты и катапульты поражали гладиаторов камнями и громадными стрелами.

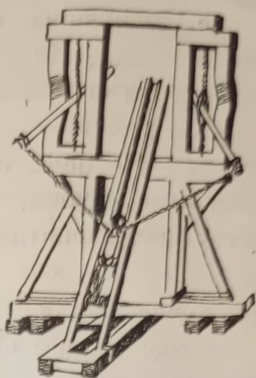
Мальчик-фракиец подвел вороного коня Спартаку. Спартак провел рукой по его крутой шее, обнажил меч и вонзил коню в сердце.

— Прощай, мой верный друг!

— Безумный, зачем ты это сделал? — воскликнул Гета, видя бившегося на земле красавца-коня.

— Сейчас начался последний бой, — ответил Спартак. — Если мы одержим победу, я опять найду себе хорошего коня, а если мы будем побеждены, на что мне тогда конь? Теперь я доберусь до Красса и покончу с этим злобным тираном.

Сражение становилось все более ожесточенным. Спартак с необычайной силой и ловкостью пробивался сквозь ряды врагов, разыскивая Красса. Он перебил нескольких начальников, но был тяжело ранен в бедро. Спартак упал на колени и, прикрываясь круглым щитом, продолжал биться против наступавших со всех сторон легионеров. Римляне бросили

Баллиста.

Катапульта

в него два бревна, и упавший Спартак был изрублен.

Битва продолжалась до темноты. Число погибших с обеих сторон было огромно. Спаслось несколько тысяч из армии гладиаторов. Они отступили в горы и долго потом там скитались, преследуемые римскими отрядами.

Ночью, при красном свете дымящихся факелов, на поле битвы явился Красс. Впереди шли флейтисты и два воина с топорами. Красса окружала многочисленная свита и охрана. С трудом прошел император по равнине, где лежали нагроможденные друг на друга трупы воинов. Отовсюду слышались стоны тяжело раненых и умирающих.

— Завтра мы устроим торжественные похороны, — сказал Красс, — и сожжем на кострах тела павших римлян.

Когда Красс со свитой удалился и серебристое мерцание луны осветило поле недавней битвы, из-за скалы показались три фигуры. Они осторожно пробирались между павшими воинами и всматривались в их лица.

— Все наши друзья погибли, — говорил Аристомен. — Вот смелые нумидийцы, вот доблестные греки, вот галлы и сирийцы!.. Я вижу также бедных римских земледельцев и пастухов... И они примкнули к боровшимся за свободу и вместе погибли смертью храбрых!..

— Сколько друзей мы увидели уже, заснувших вечным сном! — сказала женщина, закутанная в плащ. — Но где же Спартак? Я хочу полить душистого масла на его тело и закрыть его бесстрашные глаза.

— Не горюй, Амика, — отвечал старик. — Не беда, если мы не найдем его тела. Здесь все лежат, как братья. Пролей капли душистого масла равно на всех, и ты почтишь этим память героев.

— Гета, — сказала Амика, — у тебя зоркие глаза. Всматривайся в лица павших, может быть, мы еще найдем Спартак

Трое осиротевших друзей медленно прошли через все поле, где, смешавшись, лежали рабы и римские legionеры. Фракиянка вылила из кувшина все душистое масло на тела павших.

Утром громадные костры запылали по всей долине, сжигая тела павших воинов-римлян.

Пустынными горными тропинками на юг пробирались трое путников.

— В Туриях у меня есть друзья-греки, — говорил старый философ. — Они помогут нам переехать на корабле ко мне на родину, в город Синоп. Вдали от жестокого Рима мы начнем новую жизнь, и там наш маленький друг Гета вырастет спартаковцем, борцом, достойным своего учителя.

После этой победы, купленной римлянами ценой громадных жертв, войска аристократов начали страшную травлю рабов. Они хотели окончательно затушить последние искры борьбы и надежды на свободу.

По всему пути от города Капуи, где началось восстание, до стен Рима было поставлено шесть тысяч крестов, на которых живыми были распяты захваченные в плен гладиаторы. Знатные властители Рима ликовали и устроили пышные празднества и новые гладиаторские игры.

Но в народе передавались от поколения к поколению предания о бесстрашном Спартаке, друге рабов и угнетенных, и эти предания, записанные историками, сохранили до наших дней память о великом свободолюбивом фракийце.